

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

5(26)
2013

Научный журнал

Издается с апреля 2011 года

СЕРИЯ «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук»

Учредитель:

Главный редактор А. В. Бурков

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65-44-01.
e-mail: ijoint@gmail.com.
<http://www.universityjournal.ru>.

Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Бумага офсетная.
Распространяется бесплатно.
Тираж 220 экз.
Дата выхода: 30.06.2013.

ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Типография «Вертикаль»
424036, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21.

Редакционная коллегия:

- А. В. Бурков**, д-р экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
(главный редактор)
А. В. Затонский, д-р техн. наук, доцент (Березники).
Л. В. Лукиенко, д-р техн. наук, доцент (Новомосковск).
Н. М. Митюков, д-р техн. наук, доцент (Ижевск).
Н. М. Насыбуллина, д-р фарм. наук, профессор (Казань).
Л. И. Фалюшина, д-р педаг. наук, доцент (Ульяновск).
В. В. Носов, д-р экон. наук, профессор (г. Саратов).
О. Н. Кондратьева, канд. фил. наук, доцент (Кемерово).
Т. А. Магсумов, канд. истор. наук, профессор РАЕ
(Набережные Челны).
О. В. Белоус, канд. психол. наук, доцент (Армавир).
В. В. Вышкварцев, канд. юрид. наук, доцент (Москва).
И. Д. Котляров, канд. экон. наук, доцент (Санкт-Петербург).
Н. Е. Назарова, канд. техн. наук, доцент (Нижний Новгород).
К. И. Курпаяниди, канд. экон. наук, доцент (Узбекистан).
Г. А. Мамедова, канд. химич. наук, старший научный
сотрудник (Азербайджан).
Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
Т. В. Ялялиева, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ	NEW APPROACHES IN EDUCATION
В.Г. Бурькина	V.G. Burykina
3	3
Принципы духовно-нравственного воспитания российских и иностранных студентов в процессе их совместного обучения в вузе	Principles of spiritual and moral education of Russian and foreign students during their joint study in higher education institutes
Н.С. Клименко	N.S. Klimenko
7	7
Гендерно ориентированное образование и его реализация в современных кадетских корпусах и Мариинских гимназиях Красноярского края	Gender oriented education and its implementation in modern military schools and Mariinskaya girls' gymnasias of Krasnoyarsk Krai
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PROBLEMS OF PHILOSOPHY
Л.А. Пашина	L.A. Pashina
10	10
Феномен человеческой агрессивности как предмет рассмотрения биологических наук	The phenomenon of human aggression as a matter of consideration of Biological Sciences
Е.Г. Усманова	E.G. Usmanov
19	19
Социально-философские взгляды Л.Н. Толстого в «Народных рассказах»	Social and philosophical views L.N. Tolstoy's «People's stories»
Е.Н. Мухина	E.N. Mukhina
25	25
Модерн с приставкой (пост)	Modern with the 'post-' prefix
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	PAGES OF HISTORY
Н.Н. Окутина	N.N. Okutina
38	38
Организационно-правовое обеспечение деятельности органов сословного самоуправления на примере мещанских обществ Среднего Поволжья	Organization and legal support for the activities of class self-government bodies, basing on the example of the petty bourgeois communities of Middle Volga Region
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	PHILOLOGY ISSUES
А.Н. Чугункова	A.N. Chugunekova
44	44
Семантическая структура глагола движения тӱс 'спускаться' в хакасском языке	Semantic structure of the verb of movement 'tӱс' (descend, go down) in the Khakass language
СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД	FRESH VIEW
М.А. Попова	M.A. Popova
50	50
Методы взаимодействия видео и драматургического текста в пространстве спектакля	Methods of interaction between video and dramaturgic texts in the performance space
Д.Л. Носова	D.L. Nosova
54	54
Адаптация первокурсников к обучению в вузе как педагогическая проблема	Adaptation of first-year students to education process at higher education institutes as a pedagogic issue
<i>Информация для авторов</i>	<i>Information for the authors</i>
58	58

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 37.013.2

В.Г. Бурыкина

ПРИНЦИПЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ СОВМЕСТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Статья посвящена духовно-нравственному воспитанию российских и иностранных студентов в образовательном процессе вуза. Автором предложены и рассмотрены принципы духовно-нравственного воспитания студентов: принцип культурной направленности образовательного процесса, диалога культур, межэтнической толерантности, учета возрастных и индивидуальных особенностей российских и иностранных студентов, целенаправленности, междисциплинарной интеграции.

Ключевые слова: *российские студенты, иностранные студенты, духовно-нравственное воспитание, принцип, толерантность, диалог культур.*

Вхождение России в мировое образовательное пространство определило основные тенденции реформирования и развития системы высшего образования. Изменения, происходящие в высшей школе России, характеризуются не только развитием многоуровневой системы подготовки специалистов, обогащением вузов современными информационными технологиями, фундаментализацией образования, интеграционными процессами, но и усилением гуманитарной направленности университетского образования.

Гуманитарная направленность развития университетского образования инициирует возрождение университетов как культурных центров, одной из функций которых является духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи. Трансформация системы ценностей, утрата идеалов, сложные социально-экономические и политические процессы породили ситуацию экзистенциального хаоса, вызвали изменения ценност-

ных ориентации молодежи. Молодые люди становятся все более прагматичными, сдержанными в проявлении духовности.

Особо актуальна проблема духовно нравственного воспитания для вузов, которые осуществляют профессиональную подготовку иностранных граждан в условиях совместного обучения российских и иностранных студентов в группах смешанного национального состава.

В России модель духовно-нравственного воспитания представлена в трудах Ш.А. Амонашвили, Д.М. Маллаева, В.И. Иноземцева, М.П. Щетинина, В.П. Зинченко и др. Необходимо отметить, что в современной педагогической литературе помимо традиционных факторов, влияющих на развитие и формирование личности – наследственность, среда, воспитание, деятельность и общение, выделяются *внутренние силы саморазвития*. Эту идею высказал С.Л. Рубинштейн, который видел смысл этики не во внешнем изменении окружающего мира, а в том, чтобы открыть человеку глаза на богатство его внутреннего мира, устоять, справиться с жизненными трудностями и вызовами [3].

Опираясь на вышесказанное, определим процесс духовно-нравственного воспитания студентов как целенаправленный педагогический процесс, способствующий осознанию высшей духовной природы человека и мира, основанный на полифонировании субъектов – носителей духовности (воспитанник, наставник), в котором должна происходить трансформация не только воспитанника, но и наставника как субъектов собственного духовного поиска.

Данное определение позволило определить, что целью духовно-нравственного воспитания студентов является осознание личностью своего высшего духовного начала, умение получать внутренние знания, идущие из сердца, слышать свою совесть и следовать ей.

Исходя из определения сущности и цели духовно-нравственного воспитания, а так же учитывая, что **принцип** – «это основное, исходное положение какой-либо теории, учения, мировоззрения» [2, с. 595], рассмотрим принципы духовно-нравственного воспитания российских и иностранных студентов в условиях их совместного обучения.

Принцип культурной направленности содержания и организации образовательного процесса означает, что духовно-нравственное воспитание российских и иностранных студентов должно организовываться с учетом национальных особенностей студентов, традиций, принятых в их стране, а также интересов представителей различных культур. Важным условием реализации данного принципа является создание благоприятного психологического климата в группах смешанного национального состава, а также формирование ценностного отношения студентов к различным культурам и их представителям.

Реализация **принципа диалога культур** понимается, прежде всего, как признание и утверждение всеобщности диалога в качестве основы человеческого взаимопонимания [1]. Диалог культур в процессе духовно-нравственного воспитания российских и иностранных студентов возможен только тогда, когда каждый студент осознает свою ценность и самодостаточность, видит, понимает и принимает культурные ценности других студентов. Таким образом, диалог – это основа взаимного проникновения, обо-

гашения и саморазвития различных культур. При этом процесс духовно-нравственного воспитания является процессом взаимного обмена ценностями каждой из культур на основе взаимопонимания, взаимоуважения и согласия.

В контексте духовно-нравственного воспитания российских и иностранных студентов особое значение имеет опора на **принцип межэтнической толерантности**. При этом следует отметить, что межэтническая толерантность – это не просто уступка, снисхождение, а, прежде всего, активная позиция человека по отношению к представителям различных культур, к особенностям этих культур, к процессу межкультурного сотрудничества. Такая активная позиция формируется на основе признания универсальных прав и свобод человека. Таким образом, принцип межэтнической толерантности реализуется в развитии у российских и иностранных студентов стремления достигать взаимного уважения, понимания и согласования различных точек зрения без применения давления и насилия.

Принцип учета возрастных и индивидуальных особенностей российских и иностранных студентов предполагает такое содержание образования и подбор методов, приемов и средств воспитательной деятельности, которые являются адекватными уровню развития, склонностям и потребностям студентов, позволяют овладеть знаниями и практическими умениями в области межкультурного взаимодействия и сотрудничества и обладают богатым потенциалом для формирования ценностного отношения к особенностям различных культур.

Принцип целенаправленности в процессе духовно-нравственного воспитания студентов предполагает осознание российскими и иностранными студентами сущности, цели межкультурного взаимодействия и сотрудничества, осмысление содержания совместной деятельности в условиях диалога культур и видение путей осуществления и совершенствования этой деятельности.

В процессе духовно-нравственного воспитания российских и иностранных студентов реализуется **принцип междисциплинарной интеграции**. Интеграция развивающих и воспитательных возможностей различных учебных дисциплин позволяет комплексно подойти к вопросу духовно-нравственного воспитания студентов в ходе изучения таких учебных дисциплин как: культурология, социология, русский язык и культура речи, иностранный язык.

Процесс духовно-нравственного воспитания российских и иностранных студентов опирается на комплекс строго определенных принципов, состоящих из взаимодействующих элементов, разрозненных с теоретической точки зрения, составляющих в своем синтезе ценностные проявления культуры, ее основное содержание, детерминирующие собой различные человеческие поступки и отражающие общечеловеческие ценности. Совместное обучение российских и иностранных студентов в вузе является созидательной средой для воспитания этих ценностей.

Библиографический список

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2002. 720 с.

2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979. 412 с.

Статья поступила в редакцию 24.05.2013.

БУРЫКИНА Виктория Геннадиевна – ассистент, Белгородский государственный институт искусств и культуры.

УДК 371

Н.С. Клименко

ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ И МАРИИНСКИХ ГИМНАЗИЯХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье анализируется понятие «гендерно ориентированное образование», его социальная значимость и специфика. Автором приводятся и анализируются результаты собственного исследования на выявление социально-гендерных ценностных ориентиров у воспитанников кадетских корпусов и женских гимназий в Красноярском крае.

Ключевые слова: *гендер, гендерноориентированное образование, кадет, гендерные ценности, гендерная асимметрия, мужская феминизация, гендерное равновесие.*

Само понятие «гендерно ориентированное образование» для общественных наук не новое. Его нередко подменяют понятиями «раздельное образование», «гендерно-сегрегированное образование», что, на наш взгляд, является не до конца обоснованным. В основе гендерно ориентированного образования лежит не просто принцип разделения учащихся по половому принципу (что на сегодняшний день является показателем престижа для многих образовательных учреждений), а ориентированность образовательного процесса на определенные социальные потребности, заданные гендерным конструктом определенного общества.

Гендерно ориентированное образование реализуется не только с учетом познавательно-эмпирическими особенностями обоих полов, но и с учетом потребностей общества в формировании социально-значимых маскулинных и феминных качеств у обучающихся, таким образом несет в себе в большей или меньшей степени определенный социальный заказ.

Раздельное обучение мальчиков и девочек испокон веков является выражением гендерного конструкта традиционного бигендерного (признающего наличие только мужского и женского гендеров) общественного сознания. С древнейших времен, начиная с младенческого возраста, мальчиков и девочек готовили к абсолютно разным, зачастую даже противоположным, социальным ролям.

Так как на сегодняшний день в большинстве развитых стран женщины юридически имеют равные права с мужчинами, то говорить о преимуществах раздельного обучения мальчиков и девочек, с первого взгляда, кажется абсурдным. Однако растущая в России популярность раздельного обучения мальчиков и девочек с конца XX-начала XXI века заставляет многих исследователей задуматься о его актуальности.

На фоне элитных школ или отдельных классов, практикующих раздельное обучение в системе среднего образования, выгодно отличаются специализированные образовательные учреждения, получившие второе рождение в 90-х годах прошлого столетия в системе российского образования – кадетские корпуса и Мариинские гимназии.

На сегодняшний день эти образовательные учреждения уже не несут в себе чисто военную или чисто образовательную функцию.

В армии сегодня успешно служат и женщины – поэтому ориентир на военную подготовку перестает быть основополагающим для разделения детей по половому признаку в таких учебных заведениях. Мариинские же гимназии перестают быть единственным источником образования для женщин, которые уже давно имеют возможность сидеть с мужчиной за одной партой, как в школах, так и в высших учебных заведениях.

Таким образом, назревает необходимость вложить в функции этих образовательных учреждений *новую философию* – а именно, восполнение гендерного равновесия, сопровождающегося позитивной оценкой маскулинных и фемининных качеств противоположных полов в непростых социальных условиях, возникших в современном российском обществе, сопровождающихся кризисом маскулинности и фемининности, а также кризисом института семьи.

В современных кадетских корпусах по сравнению с обычными школами, практикующими смешанное обучение, подрастающие мужчины не подвержены такому негативному гендерно-социальному процессу, как «мужская феминизация», связанному с дефицитом мужчин-педагогов в сфере среднего образования. В данных образовательных учреждениях гендерная социализация подрастающего мужчины реализуется на обоих необходимых уровнях – вертикальном (социализация через воспитание мальчика взрослым мужчиной), горизонтальном (социализация через общение со сверстниками, которое является гарантом «социально-возрастной автономии мальчиков») [1, с. 26].

Говоря о современных женских Мариинских гимназиях, нельзя не отметить, что, несмотря на мнение некоторых негативно настроенных педагогов, Мариинские гимназии вряд ли можно назвать регрессом фемининности и «возвращением к Домострою». Основная цель этих образовательных учреждений – возрождение традиций дореволюционного образования с учетом потребностей современного общества.

По словам директора Красноярской Мариинской гимназии Светланы Ромащенко, современное женское гимназическое образование реализует систему обучения, «ориентированную на становление образованной деловой Дамы, духовно богатой культурной Женщины, любящей Матери, преданной Жены и Друга, умелой Хозяйки» [2]. Стоит отметить, что в подобных образовательных учреждениях основной упор делается все же на качественное обучение и всестороннее развитие, что достигается путем изучения не только стандартной школьной программы, но и наличия множества факультативов и секций дополнительного образования.

Проведенное нами летом 2012 г. анкетирование среди учащихся двух кадетских образовательных учреждений Красноярского края – кадетской школы-интерната «Ачинский кадетский корпус» и кадетской школы-интерната «Кедровый» в количестве

195 человек выявили любопытные данные. Сама анкета состоит из 16 вопросов, первый из них предлагал курсанту выбрать из нескольких вариантов главную задачу своей жизни, с учетом обучения в специализированном мужском учебном заведении. Большинство респондентов (40%) выбрали пункт «стать настоящим мужчиной», также абсолютное большинство высказалось, что поступление в специализированное мужское учебное заведение являлось их собственным решением, а не решением родителей (81% против 14%). В двух свободных вопросах, предлагающих перечислить три наиболее значимых качества для мужчины и для женщины: для мужчины в приоритете оказались храбрость (23%) и честность (13%), а для женщины – честь (14 %) и хозяйственность (18%). На вопрос о том, кого они считают образцом настоящего мужчины, большинство респондентов назвало: Федор Емельяненко (9%), Суворов (10%), также довольно частыми были ответы «мой отец» (10%) и имена воспитателей корпуса.

«Идеальными женщинами» для современных кадет оказались – «мама» (16%) и «моя девушка» (10%).

Проведя то же самое анкетирование среди девушек – воспитанниц Красноярской Мариинской женской гимназии и Ачинской Мариинской женской гимназии (всего 195 человек), нами были получены следующие результаты. Главную задачу своей жизни большинство респондентов определило как «стать настоящей женщиной» (38%). Также, как и кадеты, абсолютное большинство гимназисток заявило, что поступление в специализированное женское учебное заведение было следствием их личной инициативы, а не инициативы родителей (65% против 27%).

Среди наиболее значимых мужских качеств девушки определили – мужественность (43%), физическую силу (14%), силу духа (14%); среди женских качеств – доброта (38%), терпение (18%), женственность (18%).

«Настоящего мужчину» современные гимназистки видят в образах своего отца (14%), Александра Лебеда – 5% , также Федора Емельяненко (4%).

Безусловно, на представленных выше статистических данных сложно делать далеко идущие выводы. Однако, на лицо тенденция к возвращению к традиционным гендерным ценностям: вниманию к позитивным мужским и женским характеристикам, а также почтение к родителям и ориентацию на их позитивный гендерно-социальный опыт.

Библиографический список

1. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Москва: Время, 2009. 496 с.
2. www.kmariinka.ru.

Статья поступила в редакцию 04.06.2013.

КЛИМЕНКО Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 159.99

Л.А. Пашина

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ РАССМОТРЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В статье исследуется понимание феномена человеческой агрессивности в рамках биологических наук, которые интерпретируют его как генетически наследуемую эмпирически фиксируемую физиологическую характеристику. Обосновывается тезис о том, что феномен человеческой агрессивности исследуется в двух наиболее общих вариантах: теории, указывающие на тотальную филогенетическую закрепленность агрессивности и теории, утверждающие значимость процесса онтогенеза для ее формирования.

Ключевые слова: *человеческая агрессивность, биологические предикторы агрессивности, филогенетическая детерминация агрессивности, онтогенетическая детерминация агрессивности.*

Проблема причин агрессивного поведения, форм его проявлений и механизмов влияния на развитие как общества, так и конкретного индивида являются общими для многих наук, поскольку человеческая агрессивность объективно относится к классу явлений, которые могут быть изучены только при помощи комплексных научных усилий.

В данной статье мы обратимся к осмыслению феномена агрессивности в биологических науках, где он рассматривается как генетически наследуемая эмпирически фиксируемая физиологическая характеристика.

Одной из традиционных тенденций естественно-научной мысли является редукция социального к биологическому, в частности, объяснение такого сложного явления как агрессивность тотальной биологической детерминированностью.

В рамках данного подхода агрессивность традиционно трактуется как биологически целесообразная эволюционно закрепленная форма поведения, которая является неотъемлемым условием выживания и адаптации человека. Так, К. Лоренц пишет: «Аг-

рессия – это такой же инстинкт, как и все остальные, служащий вместе с ними сохранению жизни» [1, с. 6].

Идея генетической наследуемости агрессивности в биологических науках представлена в двух наиболее общих вариантах: 1) теории, указывающие на филогенетическую закрепленность агрессивности (на спонтанность агрессивного инстинкта) и 2) теории, утверждающие значимость процесса онтогенеза для ее формирования (реактивный характер агрессивности).

В рамках идеи филогенетической детерминированности агрессивных проявлений совершенно ошибочным считается представление о возможности изменения врожденно-агрессивного поведения посредством обучения и / или воспитания, а также путем устранения предикторов агрессивности.

В наиболее последовательном виде филогенетический детерминизм нашел свое выражение в двух концепциях – в социальной этологии и в теории «наследственных факторов» или в т. н. антропологическом подходе, объединившим многие биологические науки (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало, Ди Тулио, Э. Кречмер, Ф. А. Ланге).

Так, этология, используя данные ряда наук (генетика, биохимия, эндокринология, экология, нейрофизиология, антропология), последовательно обосновывает, заимствованную из социального дарвинизма, гипотезу о биогенетической детерминированности человеческой агрессивности (К. Лоренц, Н. Тинберген) [1; 2].

Антропологический подход в качестве причин агрессивного поведения рассматривает такие наследуемые свойства организма человека как анатомические особенности (строение черепа), особенности хромосомных структур (хромосомная конституция (пол), измененный хромосомный набор), наследуемые черты нервной системы (степень реактивности нервной системы (темперамент)), особенности генотипа, влияние гормонов, возраста, зависимость от расовой принадлежности и др.

В целом, в рамках антропологического подхода агрессивность рассматривается как следствие определенных психофизиологических аномалий, продуцирующих различные формы асоциального поведения. Подобные взгляды, усматривающие прямую корреляцию между анатомией, физиологией и психологическими особенностями, существовали издревле, например, в зачаточном виде их можно усмотреть в различных формах зарождавшегося паранаучного знания (в хиромантии, пришедшей из стран Древнего Востока (знание, пытающееся обосновать зависимость между линиями на ладонях и характером, судьбой человека)). Первые письменные свидетельства попыток обнаружить корреляцию между особенностями анатомического строения и природными склонностями мы можем найти уже в работах Гиппократов, Аристотеля, Фомы Аквинского.

Этот подход проявлялся и позднее, например, в физиогномике (Иоганн Каспар Лафатер). В XIX в. основатель френологии Франц Йозеф Галль утверждал, что в мозге человека локализируются 27 основных человеческих способностей, среди которых есть и те, что определяют врожденную склонность к асоциальному поведению, поэтому преступники отличаются специфическим строением черепа, особым выражением лица.

Позднее наличие сущностной корреляции между анатомическим строением человека и преступным поведением попытался обосновать Чезаре Ломброзо [3], считавший, что существует тип людей, представляющий собой атавизм эволюции: обладающий биологической склонностью к антисоциальному поведению. Этот особый природный тип можно определить по ряду анатомических признаков (массивная, выдвинутая вперед нижняя челюсть, сплюснутый нос, редкая борода, приросшие мочки уха, низкий лоб и т. п.). Хотя, в своих поздних работах Ч. Ломброзо уже признавал не столько наследственную, сколько социальную детерминированность асоциального поведения («прирожденные преступники составляют до 40 % общего числа правонарушителей»).

В качестве явного недостатка антропологического подхода необходимо отметить, что его сторонники практически полностью игнорируют анализ социальных причин подобного поведения, что и послужило причиной его забвения на длительный период. Тем не менее, полностью отказаться от идеи возможности передачи агрессивных тенденций по наследству нельзя. В настоящее время, избегая абсолютизации основной идеи теории наследственных факторов, продолжаются исследования биологической детерминированности феномена агрессивности и его возможных предикторов в таких науках как генетика (психогенетика, молекулярная генетика), биохимия, эндокринология, экология, нейрофизиология, антропология и многих других.

Так, психогенетика изучает феномен агрессивности, исследуя следующие вопросы: степень влияния наследственности на склонность к агрессивному поведению, исследование особенностей темперамента при реализации агрессивных побуждений, зависимость проявления агрессивности от пола.

Для ответа на первый вопрос проводились близнецовые исследования: изучались моно- и дизиготные близнецы. Логика исследований была следующей: в той степени, в какой агрессивные наклонности передаются по наследству, в такой же степени монозиготные близнецы должны сильнее проявлять эту склонность, чем дизиготные [4]. Оказалось, что генетическая наследственность создает лишь потенциал для развития агрессивных тенденций (почти на 50%), который реализуется только в соответствующих условиях воспитания и влияния окружения.

При исследовании особенностей темперамента потенциально продуцирующих проявление агрессивности было выяснено, что генетические особенности вносят существенный вклад в межиндивидуальные различия в агрессивности: наследуемость составляет от 30 до 60%. Кроме того, было выявлено, что особенности темперамента обладают полигенной природой.

Третьим аспектом в изучении феномена агрессивности психогенетикой является рассмотрение его зависимости от пола. Самым общим допущением при проведении исследований в данном направлении является констатация того, что объективно у мужчин более высокий уровень агрессивности (хромосомный набор).

Также в генетике изучается другой аспект этой проблемы – зависимость уровня агрессивности от аномалий в хромосомном наборе, что обычно вызывает целый комплекс нарушений в строении и функциях различных органов, а также поведенческие и

психические расстройства. Среди последних нередко обнаруживается ряд типичных особенностей, таких как умственная отсталость, аутистические черты, неразвитость навыков социального взаимодействия, как следствие, повышенная агрессивность.

В числе исследований хромосомных аномалий следует упомянуть изучение преступников, находившихся в исправительных учреждениях, проведенное учеными У. Пирс, П.А. Джекобс. Последние заявили, что среди осужденных преобладают индивиды с дополнительной Y-хромосомой, что наводило ученых на мысль о прямой зависимости между нарушением в хромосомном наборе и негативным девиантным поведением. Однако при независимой верификации данной гипотезы, полученные данные указывают на корреляцию не подтвердили (С. Чавкин, С. Шэн, Э. Хук).

В числе прочих исследований хромосомных аномалий, также необходимо упомянуть гипотезу, согласно которой увеличение числа X-хромосом ведет к снижению уровня агрессивности. Но работа в данном направлении также не привела к однозначным выводам [5].

Итак, к настоящему времени не получено убедительных доказательств прямой зависимости уровня агрессивности от аномалий половых хромосом, поэтому невозможно утверждать, что измененный хромосомный набор неизбежно связан с поведенческими отклонениями. Возможно, как отмечают некоторые исследователи, повышенная агрессивность лиц с хромосомными аномалиями в большинстве случаев является следствием снижения интеллекта, влекущего за собой понижение уровня социальной адаптации.

В рамках молекулярной генетики изучаются следующие вопросы: какие гены вовлечены в формирование и проявление конкретной психологической черты, сколько их и каковы их функции, поиск генетических предпосылок антисоциального поведения. В этом контексте изучаются предикторы агрессивного поведения (в т. ч. импульсивность, эмоциональность). В целом, данные о молекулярно-генетических предпосылках агрессивности пока разрозненны и нуждаются в дополнительных доказательствах

Еще одно направление поиска путей влияния биологических факторов на уровень агрессивности – гормональное. В ряде работ по биохимии были высказаны предположения о том, что представители мужчины более агрессивны, потому что физиологически имеют более высокий уровень концентрации ряда гормонов, ответственных за подобное реагирование. Известно, что в организме есть вещества, усиливающие агрессивность (андрогены, половые гормоны), но есть вещества, которые ее снижают — эндорфины. Если последние вырабатываются в больших количествах, то уровень агрессивности снижается.

Не отрицая тот факт, что мужчины могут иметь потенциально большую врожденную готовность к агрессии, чем женщины, ученые утверждают, что не стоит абсолютизировать роль гормонов.

Экспериментальные данные ясно свидетельствуют о том, что вне ситуации даже биологические факторы, которые контролируют агрессивность, являются дополняющими. Важным является именно тот факт, что учеными была показана зависимость действия гормонов от конкретной ситуации.

Существуют, конечно, установленные корреляции агрессивности с генетическими факторами, например, с наличием лишней или измененной Y-хромосомы или гормональными факторами: уровнем тестостерона, с гипогликемией, с гиповитаминозом А и С [6]. Однако многие из этих корреляций отражают не первичную, а вторичную детерминацию агрессивного поведения, поскольку не являются эволюционной биологической нормой человека. Иначе говоря, многие параметры сами являются зависимыми переменными и отражают реакцию организма на воздействия среды.

В эндокринологии предлагается еще одно объяснение механизма функционирования агрессивности. Биологические основы агрессивности закладываются в раннем детстве: уже в первый год жизни совокупность ситуаций может породить гормональный сдвиг, который в последующем определит уровень агрессивности человека.

Существуют также экологические объяснения феномена агрессивности. Представители этого направления приводят следующие аргументы: рост урбанизации, загрязнение окружающей среды, зависимость человека от техносферы, отчуждение, все нарастающий темп социальной жизни, рост психосоматических заболеваний являются причиной высокой фрустрированности, которая является одним из предикторов агрессивности. В результате репрессивного воздействия на человека экологических факторов, формируются защитные реакции, часть которых связана с проявлением агрессивности.

Нейрофизиологическая трактовка агрессивности в качестве детерминирующего фактора выдвигает механизмы деятельности нервной системы. Сторонники данного направления (Х. Дельгадо, Б.Ф. Скиннер, Дж. Макконэл) считают дифференцируют понятие «агрессивность». С одной стороны, они выделяют «физиологическую» («естественную», «эмоциональную»), носящую индивидуальный характер, в основе которой лежат такие чувства и потребности, как соперничество, страх, честолюбие, любовь, эгоизм, стремление к благополучию, счастью, наслаждению и т.п. Этот вид человеческой агрессивности стимулирует общественный прогресс.

С другой стороны, выделяется «антисоциальная» агрессивность, определяемая как сознательная поведенческая реакция индивида, направленная против чьих-либо интересов, свободы или даже жизни. Именно этот вид агрессивности представляет опасность для интересов личности и общества, для социального порядка.

Согласно теории Хосе Мануэля Родригеса Дельгадо, путем искусственной переделки нейрофизиологических механизмов агрессивного поведения, а также созданием специальной системы воспитания, возможно сформировать такую личность и стандарты ее общественного поведения, для которых применение насилия будет в принципе невозможно. Х.М.Р. Дельгадо пишет: «Хотя индивидуальные и коллективные акты насилия и кажутся нам очень далекими от электрических потенциалов нейронов, мы должны помнить, что поведение зависит не столько от внешней среды, сколько от состояния нервной ткани» [7].

Психофармакологический и электронно-хирургический контроль над мозговой деятельностью – единственный реальный, по его мнению, путь к «психодивилизованному обществу», в котором не будет бунтов, конфликтов и насилия.

Так, в продолжение концепции Х.М.Р. Дельгадо, можно констатировать, что сегодня в биологических науках выделяют четыре основных способа физиологического контроля агрессивности: хирургическое вмешательство с последующим поражением или удалением определенных участков мозга; мозговая электростимуляция; изменение гормонального баланса организма; фармакотерапия.

В методологическом плане важно подчеркнуть, что лежащее в основе такой практики представление об агрессивности как унитарном побуждении оказывается несостоятельным. Особенно это касается тех случаев, когда речь заходит об инструментальной агрессии, не сопровождаемой эмоциональными переживаниями.

Характеризуя в целом физиологические методы и средства контроля проявлений агрессивности, следует отметить, что сама возможность их применения имеет сугубо медицинский характер. Вряд ли можно всерьез говорить о массовом внедрении этих методов с целью решения тех или иных наболевших социальных вопросов.

В рамках антропологии для обоснования разницы в предрасположенности к агрессивности у мужчин и женщин используют результаты наблюдений за детьми на ранних стадиях их социализации. Аргументы сводятся к следующим: 1) разница в агрессивности мальчиков и девочек проявляется в раннем возрасте, следовательно, это качество природно детерминировано, а не прививается в процессе социализации; 2) признается общечеловеческий характер половых различий в агрессивности. Однако некоторые исследователи-антропологи приходят к противоположным выводам, утверждая, что формирование поведения индивидов обоих полов не исключает определяющего влияния со стороны культуры конкретного общества (Р. Рохнер).

В целом, можно отметить, что преобладающей ориентацией в современной антропологической литературе по данной проблеме является своеобразный вариант теории социального научения с акцентом на изучении процессов имитации и избирательного подкрепления гендерных ролей.

Итак, в рамках филогенетического подхода, было выявлено, что корреляция между проявлением агрессивности и наследственностью человека существует, но она является сложно обусловленной. На современном этапе развития науки совершенно очевидно, что не следует абсолютизировать роль биологических предикторов в решении задачи объяснения причин агрессивного поведения, иначе мы будем иметь дело с попытками отвлечь внимание от комплексного осознания подлинных причин, порождающих насилие, коренящихся, в том числе, и в социально-экономических, политических условиях жизни общества.

Кроме уже рассмотренных представлений о строгой филогенетической детерминированности агрессивности существуют также гипотезы, в которых допускается возможность онтогенетической закреплённости, признается, что все свойства человека, в

особенности психические, нуждаются во внешних стимуляторах для своего полного проявления [8].

В рамках этого подхода считается, что различия в агрессивности детерминированы не столько биологическими задатками, сколько внешними (экзогенными) факторами. Хотя чаще встречается попытка диалектического объяснения подобного влияния. В большинстве исследований, в качестве экзогенных факторов изучается воздействие психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков), а также некоторых социогенных факторов.

Систематические исследования по выявлению зависимости между алкоголем и агрессивным поведением начинают проводить с середины XX века, опираясь, в основном, на методы корреляционного анализа (М. Вольфганг, Р. Строхм, Дж. Хепберн, Г. Восс, Т. Ахо). Данные исследования пытаются раскрыть механизм влияния на поведение состояния алкогольного опьянения, выявляя предикторы агрессивного реагирования.

Известно, что употребление психоактивных веществ – это фактор, влияющий на чувствительность нервной системы к стимуляции агрессии. Он зачастую усиливает агрессивность, снижая уровень вменяемости личности, а также, ослабляя способность учитывать последствия совершаемых действий. Хотя данные новейших исследований указывают на ошибочность ранних представлений о прямой биохимической стимуляции агрессивности при употреблении алкоголя.

С середины 1970-х гг. начинают использовать методы прямого измерения агрессии с целью изучения влияния на нее алкоголя (А. Басс, Дж. Карпентер, Р. Беннет, Р. Шунтих, С. Тейлор). Полученные подобным способом данные также отличались во многом своей противоречивостью.

Для объяснения влияния на поведение алкогольной интоксикации использовалась модель психофармакологического растормаживания, в основе которой лежит общее допущение того, что алкоголь высвобождает подавленные агрессивные импульсы посредством ослабления системы цензуры (Р. Джелес, М. Штраус). Главное значение здесь имеет прямое фармакологическое действие на процессы торможения.

В основе данной модели лежат два основных предположения: алкоголь непосредственно воздействует на сдерживающие нервные центры; люди обладают врожденной тенденцией причинять вред себе подобным, и этот мотив будет обязательно выражаться в том случае, если нарушены сдерживающие нервные механизмы.

В итоге, делался вывод о том, что агрессивное поведение лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, является реализацией агрессивных побуждений, возникающих вследствие субъективной оценки ситуации как более опасной (что обусловлено влиянием алкоголя на когнитивные процессы), при слабой выраженности компенсаторных защитных механизмов, способных или снизить уровень субъективной значимости ситуации, или препятствовать прямому проявлению агрессии, независимо от исходного уровня агрессивности.

Обобщая выводы и других исследований, интерпретирующих описанную выше модель (эксперименты И.А. Кудрявцева, А.С. Голева, А.Л. Игонина, Е.Ю. Иконниковой, Т.Н. Филимоновой) можно констатировать, основным личностным фактором в генезе агрессивного поведения, совершаемого в состоянии алкогольного опьянения выступает не высокий уровень базовой агрессивности, а проявление дефицитарности тормозящих агрессию личностных структур.

Следующая модель была предложена Р. Боятжизом. Как и предыдущая, она основана на фармакологическом воздействии. Однако если в первой акцент делался на растормаживающем влиянии спиртного, то здесь на первый план выдвигаются его физиологически пробуждающие эффекты. По мысли ученого, алкоголь вызывает состояние повышенного физиологического возбуждения, которое похоже на состояние, сопровождающее враждебное поведение (повышение кровяного давления, увеличение уровня сахара в крови, прилив крови к мускулатуре и т.д.). Главный эффект алкогольного опьянения связан с межличностной агрессией через индивидуальную интерпретацию чье-либо состояния возбуждения.

Но, здесь важно отметить низкую объяснительную силу модели Р. Боятжиза, поскольку в ней подчеркивается только один из возможных аспектов воздействия алкоголя на человека. Здесь акцентируются медико-биологические стороны воздействия спиртного, и игнорируются средовые факторы.

В теории «обучаемого растормаживания» (В. Адессо, Д. Гозкнер, А. Ланг, Б. Марлатт, Д. Розенау) утверждается, что прием спиртного служит сигналом для растормаживающего поведения, даже в том случае, если употребляемый напиток – плацебо. Предполагается, что употребление алкоголя воспринимается как своеобразный перерыв в соблюдении обычного круга норм социального поведения, делает позволительным агрессию, которая не будет меняться в зависимости от фармакологической крепости введенного напитка. К слабой стороне данной модели можно отнести чрезмерную психологизацию исследуемого феномена и нивелирование фармакологического действия алкоголя

В теории «алкогольной миопии (интоксикации)» (К. Стилл) указывается на два важных эффекта: употребление алкоголя, во-первых, ограничивает диапазон информативных сигналов, воспринимаемых в данной ситуации, во-вторых, уменьшает нашу способность извлекать и обрабатывать содержание получаемой информации.

В целом, анализируя современный этап исследований влияния алкоголя на уровень агрессивности, можно проследить тенденцию отказа от ранее широко распространенной методики, фиксирующей чисто внешнюю связь, и создание более совершенных моделей, описывающих различные факторы, под влиянием которых алкоголь непосредственно вызывает агрессивное поведение.

Подводя итог нашего исследования корреляции «алкоголь-агрессия» следует отметить, что в новейших работах по данной проблематике определенно наметилась своеобразная тенденция к преодолению крайностей всех вышеперечисленных подходов

и созданию более совершенной синтетической схемы описания взаимозависимости «алкоголь-агрессия».

Акцент современных теорий обоснования влияния наследственности на вероятность проявления агрессивных тенденций заключается в том, чтобы определить, в какой пропорции сказывается влияние общей среды.

В целом, обзор исследований, посвященных поиску прямой корреляции между физиологией и агрессивностью, показывает, что на проявление и стимуляцию агрессивности оказывают влияние равно как биологические, химические процессы, так культурные и личностные факторы. Поскольку, соционтогенетическая детерминация агрессивности подтверждается результатами многочисленных исследований процесса социализации, социального научения и онтогенетического развития личности, большинство исследователей сходятся во мнении, что генетико-физиологический потенциал агрессии все же существует, но это не единственный фактор, ответственный за агрессивное поведение.

Библиографический список

1. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс; Универс, 1994. 271 с.
2. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 493 с.
3. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 544 с.
4. *Алфимова М.В.* Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 112-123.
5. *Алфимова М.В.* Генные основы темперамента и личности // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 128-139.
6. *Реан А.А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб: Прайм-Евроник, 2004. 407 с.
7. *Румянцева Т.Г.* Агрессия и контроль // Вопросы психологии. 1992. № 5-6. С. 35-40.
8. *Румянцева Т.Г.* Модели влияния алкоголя на поведение // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 161-166.

Статья поступила в редакцию 30.05.2013.

ПАШИНА Людмила Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.

УДК 101

Е.Г. Усманова

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л.Н. ТОЛСТОГО В «НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ»

Статья посвящена анализу социально-философских взглядов Л.Н. Толстого в «Народных рассказах»: отношение к собственности, к земле, к войнам, к труду, к взаимоотношениям людей. В образной форме писатель развивал те идеи, которые он признавал крайне важными для всех людей и которые наполняли истинным содержанием человеческую жизнь.

Ключевые слова: протест против войн, несправедливого социального строя, купли-продажи земли.

Долгие годы по ряду причин «Народные рассказы» Л.Н. Толстого признавались слабым местом в творчестве писателя. Односторонность подхода к ним как к чему-то нехудожественному у Льва Николаевича, неприемлемому по концепции привела к их прямолинейной трактовке. Любопытно, что и сейчас, когда вновь возник интерес ко многим религиозно-нравственным трактатам писателя, его «Народные рассказы» в эту обойму не вошли. Вместе с тем, эти произведения интересны тем, что в них философские, социальные, религиозно-нравственные взгляды Л.Н. Толстого выражены открыто. Попытаемся на основе углубленного анализа идейного содержания «Народных рассказов» расширить представление о своеобразии Л.Н. Толстого художника и мыслителя.

Замысел «Народных рассказов» был связан с желанием писателя прийти к предельной простоте и правде повествования. Первый рассказ «Чем люди живы» был напечатан в 1881 году в журнале «Детский отдых». И именно он открывает серию «Народных рассказов». Дальнейшее их напечатание было связано с народным книгоиздательством «Посредник».

Книжки «Посредника» выходили огромными по тому времени тиражами, стоили очень дешево и призваны были вытеснить из народного чтения низкопробную лубочную литературу. Однако содержание литературы, предлагавшейся миллионам грамотных русских людей основателями «Посредника» (Л.Н. Толстой, В.Г. Чертков, П.И. Бирюков), тенденциозно ограничивалось, подчиняясь религиозно-нравственным целям.

«Направление ясно, – писал Л.Н. Толстой в 1886 году о требованиях «Посредника», – выражение в художественных образах учения Христа, его 5 заповедей; характер – чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщине, ребенку и чтобы тот и другой заинтересовались, умилились и почувствовали себя добрее» [2, с. 557].

«Народные рассказы» Л.Н. Толстого – великолепные образцы осуществления этой программы. Написанные общедоступным, с большой примесью простонародных слов языком, оформленные то в виде сказки, то были, то легенды, содержанием своим

они призваны были подтвердить справедливость того религиозно-нравственного учения, проповедником которого Толстой стал начиная с 80-х годов.

Судьба «Народных рассказов» трагична: они подверглись преследованиям со стороны церкви, духовной цензуры не меньше, чем, например, роман «Воскресение». Когда книгоиздательство «Посредник» в начале 1887 года подготовило к печати сборник небольших по объему рассказов, то духовная цензура не дала разрешение на его выпуск. В отрицательном ответе подчеркивалось, что *«во всех рассказах Льва Толстого, составляющих содержание рассмотренной книги, слышится один господствующий тон, который далеко не гармонирует с требованиями религиозно-нравственного воспитания и образования народа»* [2, с. 558]. Причем духовный цензурный комитет предложил не только уничтожить весь тираж книжки, но и «все помещенные в сем сборнике семнадцать рассказов».

Однако сборник удалось спасти от сожжения. Четвертого июня в издательство «Посредник» обратился книготорговец Крунослав Геруц. Он просил продать ему для торговли в Чехии и других славянских странах рассказы Л.Н. Толстого, но не сброшюрованными, а в листах. Геруц объяснил, что он хочет сброшюровать их в отдельные томики, так как «за границей на маленькие книжки смотрят как на игрушку, и они не пользуются почетом». Геруц и сотрудники «Посредника» попытались получить согласие на вывоз рассказов за границу. Упор делался на то, что «они послужат могущественным средством для распространения русской речи и вместе с этим и русского влияния». 1 декабря 1888 года в Праге на русском языке вышел в свет сборник произведений Л.Н. Толстого.

Далеко не все положительно встретили публикацию «Народных рассказов». С резкими нападками на рассказ «Чем люди живы» выступил в реакционной газете «Гражданин» К.Н. Леонтьев (критик, публицист, религиозный деятель). Он укорял Толстого в том, что в число эпиграфов к рассказу, взятых из апостольских посланий, он не включил те, в которых говорится «о наказаниях, о страхе, о покорности властям, родителям, мужу, господам».

Когда Леонтьев поместил этот отзыв в своей брошюре «Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой», в которой оба писателя обвиняются в ереси, с резким ответом ему выступил Н.С. Лесков. Он дал понять читателям, что отзыв К.Н. Леонтьева о рассказе «Чем люди живы», как и вся брошюра, «пропитанная ядом нетерпимости», принадлежит автору, способному выступить с доносом на «двух любимых русских писателей».

Всего Л.Н. Толстым было написано 22 рассказа. Все они были созданы писателем в период с 1881 года по 1886 год. Ведущие социальные мотивы у Л.Н. Толстого нашли отражение в следующих рассказах: «Зерно с куриное яйцо», «Много ли человеку земли нужно», «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях».

В сказке-притче «Об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» выражена вся

система социально-философских взглядов Л.Н. Толстого: отношение к собственности, к земле, к войнам, к труду, к взаимоотношениям людей.

В сказке каждый из трех братьев олицетворяет собой определенный вид социальной деятельности, определенную группу общества. Например, старший брат, Семеновоин – это солдатчина, николаевщина с марширующими одинаковыми, как колосья, обезличенными солдатами, связанными в снопы-полки. Второй брат – Тарас-брюхан – олицетворяет собою купечество, капиталистический строй, власть денег. Младший брат – Иван – олицетворяет собою крестьянство.

Сказка соединяет в себе аллегорическую сатиру и мечту-утопию. Старший и средний братья презирают младшего – «от Ивана дух не хорош», но жить без него они не могут. Каждый раз, когда им приходится худо, они обращаются к нему за помощью, так как Иван-дурак владеет чудесным секретом создавать то, что составляет силу старших братьев – войско и деньги. Иван-дурак солдат делает из снопов соломы, а золото – из листьев деревьев.

Солдатчина, военное государство и деньги, купеческое государство – это два искушения, которые поставили черти перед крестьянами. И эти искушения особенно страшны для Л.Н. Толстого, так как они губят душу человека.

Два брата поддаются этим искушениям, но, начав свое существование, военная сила и золото совершают опустошение среди людей, сеют вражду и смерть. Ивану-дураку все это чуждо, ненужно. Солдаты для него – это музыка и песни: *«Раскочился сноп, стали солдаты; заиграли барабаны, трубы. Велел Иван солдатам песни играть, вышел с ними на улицу. Удивился народ. Поиграли солдаты песни, и увел их Иван назад на гумно, а сам не велел никому за собой ходить, и сделал опять солдат снопом, бросил на одонье»* [2, с. 351]. Золотые деньги для него – бляшки для подарка девкам. Не смогли одолеть Ивана ни черти, ни сам дьявол, так как Иван жил трудом земледельца. Даже став царем, он вместе со своими подданными и женой-царицей работает руками да горбом. В его царстве нет войска. Когда старый дьявол хотел «пронять» Ивана солдатами, у него ничего не вышло: иноземным завоевателям жители отвечали кротостью, смиреннием, непотворением. И это подействовало на захватчиков, они прекратили войну. *«Не можем мы воевать; добро бы война была, а это что – как кисель резать. Не можем больше тут воевать»* [2, с. 362].

Не смог дьявол Ивана и деньгами «пронять», так как крестьяне брали золото или в косы заплетать, или на улице в штучки играть. А как только у всех много золота стало, то и его перестали брать.

Не поверили крестьяне дьяволу и тогда, когда он их учил тому, что прожить можно не работая. Но головная работа дуракам не нужна: они работают руками и горбом. И в царстве у них есть обычай: *«у кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет – тому объедки»* [2, с. 366].

Л.Н. Толстой доказывает, что самый лучший труд – труд земледельческий, ибо он полезен не только для тела, но и для души. Он помогает человеку просто, ясно и разумно оценить свое положение в жизни, способствует сохранению в его душе здоровой

нравственной струи. Мы знаем, каково было отношение Л.Н. Толстого к капитализму. Порождало капиталистическую эксплуатацию, прежде всего, социальное неравенство людей, наличие собственности, особенно сосредоточенной в одних руках. Поэтому в сказке писатель направляет удар против денег – одно из проявлений собственности. Именно деньги делают доступной душу человека дьяволу, силам зла, убивая в ней нравственные начала: способность к состраданию, к самопожертвованию на благо ближнего.

В сказке силен протест и против войн, которые влекут за собой насилие и убийства. По мнению Толстого, борьба со злом, с войнами может дать результат только в том случае, если человек будет прощать и любить врагов своих – принцип непротивления злу насилием.

В этой сказке выражен, пусть пассивный, но протест против несправедливого социального строя. Совсем не случайны были гонения на эту сказку со стороны комитета духовной цензуры, который дал о ней следующий отзыв: *«Сказка об Иване-дураке» проводит, можно сказать, принципиально мысли о возможности быть царству без войны, без денег, без науки, без купли и продажи, даже без царя, который, по крайней мере, ничем не должен отличаться от мужика, - мысли о единственно полезном и законном труде – мозольном. Здесь, в этой сказке, прямо осмеиваются современные условия жизни: политические (необходимость содержать войска), экономические (значение денег) и социальные (значение умственного труда)»* [2, с. 558].

Вражду в мире, по мнению писателя, порождают не только мелочные страсти людей, не только их заблуждения. Например, в рассказе «Много ли человеку земли нужно» источником зла для человека является собственность. Именно она порождает обособление людей друг от друга. Герою этого рассказа вначале живется трудно. *«Одно горе – земли мало! А будь земли вволю, так я никого, и самого черта, не боюсь!»* [2, с. 385]. Черт услышал похвальбу мужика, обрадовался: *«Ладно, думает, поспорим мы с тобой; я тебе земли много дам. Землей тебя и возьму»* [2, с. 385].

Вскоре положение Пахома существенно меняется: ему удастся приобрести у помещицы прекрасные земельные угодья. Но расширение собственности не уменьшило забот Пахома, а увеличило их; владение крупным участком земли приводит его к постоянным ссорам с соседями-крестьянами. *«Стало Пахому в земле жить просторней, а в миру теснее»* [2, с. 387]. Несмотря на это, Пахом мечтает об увеличении своих владений: прошел в то время слух, что идет народ на новые места. Думает Пахом: *«Самому мне от своей земли идти незачем, а вот кабы из наших кто пошли, у нас бы просторнее стало. Я бы их землю на себя взял, себе в круг пригнал; житье бы лучше стало. А то все теснота»* [2, с. 387].

Переезд на новые места, получение обширных земель не принесли ожидаемого удовлетворения герою рассказа, не сделали его счастливым. Новые приобретения еще больше разожгли его жажду собственности. Движимый неутолимой жадностью, Пахом хочет захватить как можно больше земли на вольных башкирских просторах: по договору он получал возможность приобрести земли столько, сколько сумеет обойти в день

с восхода до заката солнца. Описание покупки земель у башкир по очень низкой цене открывает и высшее напряжение собственнических стремлений Пахома, и возмездие за них.

«Разгорелись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак... Пошел Пахом ни тихо, ни скоро. Отошел с версту; остановился, вырыл ямку... Пошел дальше...» [2, с. 394]. Когда цель почти достигнута, наступает смерть героя, которая подчеркивает ничтожность самой цели: *«Поднял работник скребку, выкопал Пахома могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил – три аришина, и закопал его»* [2, с. 396].

В этом рассказе Л.Н. Толстой наряду с этическими проблемами поднимает проблему земли. Это вполне естественно, ведь Россия была землевладельческой страной. Поэтому в России названная проблема была центральной, всегда стояла очень остро. И великий писатель, теснейшим образом связанный с крестьянством, не мог не понимать огромного значения этой проблемы для России. При ее рассмотрении Л.Н. Толстой исходил из нескольких принципов: он не признавал частной собственности на землю; он не признавал купли-продажи земли.

По мнению Л.Н. Толстого, против владения землей, против купли-продажи земли *«вопиет вся русская история, история земельного грабежа, приведшая к чудовищному обнищанию народа. Земля Божья, она не принадлежит никому»*. Это положение не противоречит другому утверждению: *«Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает»*, то есть крестьянам, которые получили землю в вечное пользование. И будущее России представляется писателю как царство процветающих мелких собственников – «крестьянский социализм». Разумеется, в этих рассуждениях Л.Н. Толстого много уязвимых мест, но много и такого, что заставляет задуматься над вопросом: «Что станет со страной, в которой земля будет предметом купли-продажи?». Для нашего времени этот вопрос не теоретический, а практический. На наш взгляд, к Л.Н. Толстому следует прислушаться.

В рассказе «Зерно с куриное яйцо» также идет разговор об отношении человека к земле. Этот рассказ похож на сказку. Суть его в том, что однажды в овраге ребята нашли зерно с куриное яйцо. Принесли его царю. Приказал царь мудрецам узнать, где и когда это зерно родилось. Сначала привели старого, *«зеленого, беззубого мужика на двух костылях»* [2, с. 381], но он на своем веку такого зерна не видывал. Затем пришел отец старика – *«старый на одном костыле»* [2, с. 382], но и в его время земля не «раживала» такого хлеба. Только дед старика – *«без костылей, глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно»* [2, с. 382] – сеял и жал такой хлеб. Секрет заключается в том, что земля раньше была божья, никому не принадлежала, люди жили в любви и братстве, своими называли только труды, на чужое не зарились, не знали денег. И хлеба было вволю, так как он, как и земля, никогда не был предметом купли-продажи.

Итак, в образной форме в «Народных рассказах» Л.Н. Толстой развивал те социально-философские и религиозно-нравственные идеи, которые он признавал крайне важными для всех людей. Тематика рассказов направлена на раскрытие одного – смыс-

ла истинного содержания человеческой жизни. Поэтому вывод писателя очевиден: любовные отношения между людьми должны быть нормой человеческой нравственности.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание (1828-1928) / Под общей ред. В.Г. Черткова. В. 90 т. Т. 24. М.: Худ. лит-ра, 1957.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч. В 20 т. М., 1963. Т. 10. С. 252-425.

Статья поступила в редакцию 30.05.2013.

УСМАНОВА Елена Георгиевна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ямальский нефтегазовый институт (филиал) Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Новый Уренгой.

УДК 1(091)

*Е.Н. Мухина***МОДЕРН С ПРИСТАВКОЙ (ПОСТ)**

В статье рассматривается вопрос о возможности дефиниции современности как (пост)модерна. При этом модерн понимается как однонаправленное движение процессов дифференциации, индивидуализации, рационализации и доместикации. Кроме того рассматриваются такие основные определения современного общества как постиндустриальное, постисторическое, позднекапиталистическое. Обосновывается, что, несмотря на изменения последних лет, общество продолжает идти по пути модернизации, так как изменения не затрагивают четырех основных процессов модерна, а еще больше усиливают его амбивалентность, повышая его потенциал.

Ключевые слова: модерн, (постмодерн), постистория, постиндустриальное общество, поздний капитализм, дифференциация, рационализация, доместикация, индивидуализация.

Найти какой-то один термин для определения современной нам ситуации довольно сложно – в современном философском дискурсе мы можем найти несколько терминов – это и модерн, и постмодерн, постиндустриальное общество, поздний капитализм и многие другие. Уже много было сказано по этому поводу, тем не менее, мы решили еще раз обратиться к вопросу об определении, но посмотреть на все это в несколько ином ракурсе. Так или иначе, все попытки дефиниции современности исходят из единой основы – модерна. Мы не будем в данной статье отвлекаться на историографические аспекты данного феномена, тем более что ни со стороны историков, ни со стороны философов консенсуса по данному вопросу так и не было достигнуто [см.: 33; 16]. Мы сосредоточимся только на основных характеристиках модерна.

Кроме таких теоретических дефиниций модерна, как «ориентировка на разум», «оптимистическая вера в прогресс», «осознание эпохи из самой себя», существуют конкретные процессы, отражающие практическое воплощение процесса модернизации. В этой связи хотелось бы остановить свое внимание на книге двух нидерландских авторов Г. ван дер Лоо и В. ван Райхена [25]. Их теория базируется на четырех измерениях, которые они заимствуют из теории действия Т. Парсонса. В центре их рассуждений находятся четыре основных процесса модернизации: дифференциация (как структурный компонент), индивидуализация (как личностный компонент), рационализация (культурный компонент) и доместикация (внутренний и внешний природный компонент).

Социальная дифференциация является центральным структурным компонентом процесса модернизации. В книге «Система современных обществ» Парсонс дает ей такое определение: «Дифференциация представляет собой деление единицы или структу-

ры в какой-либо социальной системе на две или более единицы или структуры, различающиеся по своим характеристикам и функциональной значимости для системы» [12, с. 44]. Другими словами, сначала относительно просто структурированное и однородное общество изменяется в сложную социальную связь. Возникают все больше и больше различающиеся области задач, которые занимаются различными личностями или группами. Это разделение труда (горизонтальная дифференциация) не обязательно должно быть связано с появлением иерархической градации (вертикальной дифференциацией), но нам факт появления и усиления социального неравенства кажется вполне правдоподобным.

С такой точки зрения, модернизация необходимым образом обозначает увеличение социального неравенства. Наиболее обоснованно этот тезис представлен у Герхарда Ленски: он видит покоящуюся на максимизации потребностей диалектику индивидуальных и социальных интересов, которая ведет к тому, что «люди только тогда разделяют продукт своего труда, когда продуктивность становится необходимой для их безопасности и выживания, когда их действия становятся необходимыми только для них самих» [24, с. 71]. Это соотношение желания и власти ведет к тому, что только в «примитивных», в которых еще не существовало разделения труда, охотничьих и собирательских обществах может доминировать высокая степень равенства, так как здесь существует немного того, что нужно делить, и это немного должно быть распределено среди всех равномерно ради обеспечения выживания [24, с. 145]. В аграрном обществе, в котором уже существует более сильное разделение труда, и поэтому оно считается более «богатым», степень неравенства становится более высокой. Элиты, появившиеся в результате борьбы за власть, используют свои позиции, чтобы следовать своим эгоистическим интересам, и обеспечивают себе непропорционально большую часть общественного «пирога» [24, с. 283]. Только «приход развитого индустриального общества в первый раз вызывает изменение изначального эволюционного развития, неравенство неуклонно растет» [24, с. 407]. Согласно Ленски, это не зависит от увеличивающегося сознания элиты – наоборот, элита все больше игнорирует ситуацию, в которой оказались массы. Скорее всего, дальнейшая дифференциация ведет к повышению производительности труда, но служит она только привилегированным, которые позволяют массам (для их удовлетворения) приобщиться к большому общему богатству [24, с. 413-420].

В тесной связи с процессом социальной дифференциации находится индивидуализация. Дифференциация и индивидуализация являются, если можно так сформулировать, двумя сторонами одной медали. Стоит отметить, что термин «индивидуализация» в социологической литературе впервые появляется в работе Г. Зиммеля «О социальной дифференциации». В понимании Зиммеля, общество является неким динамическим процессом, и вполне естественным в этой связи является то, что в ходе исторического развития данного процесса появляются изменения в отношениях между индивидом и социальным целым. Процесс дифференциации отделяет индивидов от их умственной и психической деятельности, заставляя сосредоточиться на выполнении конкретных за-

дач. Эта экономящая силы специализация ведет к возрастанию индивидуализации: Зиммель исходит именно из того, что конформизм группы тенденциозно исчезает из-за дифференциации. Так как это относится ко всем группам, становятся более похожими друг на друга изначально разнородные, но гомогенные общества (универсализация). Тем не менее, в каждой отдельной группе все это приводит одновременно к более четкому «проявлению индивидуальности» [29, с. 48], которая выражается в космополитической установке индивида. С другой стороны, вследствие индивидуализации появляется опасность ослабления «социального сознания» из-за эгоизма [29, с. 59], усиливается стремление к получению большего признания со стороны окружающих, к удовлетворению только личных потребностей, к усилению личного господства.

На амбивалентности процесса индивидуализации сосредотачивает свое внимание и У. Бек. С одной стороны, происходят такие изменения общества, которые освобождают людей от таких социальных форм, как класс, строй, семья – это подталкивает процесс индивидуализации [2, с. 115]. Но, несмотря на то, что уровень образования и стиль жизни различных слоев сравнялись, отношения неравенства в действительности остались в основном без изменений, а перешли на более высокий уровень («эффект лифта») [2, с. 23]. Изменения, происходящие в обществе, направленные на эмансипацию индивида, в действительности привели к полной противоположности: к зависимости от социальных, политических и экономических институтов, связанной со значительной потерей контроля и социально опосредованным принуждением. Освобождение от традиционных связей и структурных принуждений феодального общества создало автономное пространство свободы, которая содержит в себе угрожающий аспект неопределенности: на месте старых появляются новые институциональные, в том числе социальные, принуждения, которые принимают все более масштабный характер.

Третий существенный процесс модернизации согласно ван дер Лоо и ван Райхену – это рационализация. Многие видят в ней собственно источник разносторонней динамики развития модерна. И именно общественное разделение труда, которое образует основу социальной дифференциации, по большей части может отсылать к «стремлению к рационализации», потому что благодаря специализации возрастает (как правило) производительность каждого в отдельности. В наиболее обширной форме связь между рационализацией жизненного процесса и развитием западного капитализма, с которым напрямую связан процесс модернизации, показал М. Вебер. При этом он делал акцент на ведущей роли протестантизма, и обосновал тесную связь между протестантской этикой и «духом капитализма», поскольку оба противостоят расточительству и наслаждению: оптимальное использование отведенного времени, бережливость, в том числе и исполнение профессионального долга, являются для капиталистов, как и для протестантов, главными добродетелями. Эта далеко идущая рационализация становится явной в поле экономики и, прежде всего, в таких областях, как право, административное управление, государственное господство и наука. Государство организуется в контролирующую все сектора бюрократию, которая нацелена только на целерациональные аспекты и привязана к строгим правилам протокола [32, с. 851]. Политическое руково-

дство, как легальное господство, основано на рационально созданных правилах (нормах права), а не на неоспоримом авторитете традиционной легитимации [5, с. 8]. Тем не менее, Вебер видит и проблемы такой всеобъемлющей рационализации – рациональное управление жизнью создало «здание из твердой стали», которое угрожает раздавить людей [6, с. 188].

Эту проблематичную сторону процесса рационализации располагает в центре пронизанного экстремальным пессимизмом труда М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения». Просвещение для Хоркхаймера и Адорно превратилось в новый миф – миф, который является вполне предсказуемым и отвечает только критериям полезности. В этом смысле Просвещение является тоталитарным [1, с. 12]. Рациональное стремление к объяснению является всеобъемлющим, потому что освободительный импульс Просвещения в конечном итоге вызвал «ставший радикальным мифический страх» [1, с. 22]. Этот страх ослепляет и ввергает людей искать спасения в неограниченном разуме, который борется со всеми древними предрассудками. Но «чистый разум превратился в безумие» [1, с. 98], и не может выдвинуть даже против извращения самого себя никакого аргумента. Это саморазрушение разума является в то же время ядром парадокса рационализации: односторонняя вера современного человека в уничтоживший все традиционные основы разум, имеет определенные параллели с иррациональностью.

Тесно связан с амбивалентным процессом рационализации процесс доместикации. Для того чтобы объяснить эту связь, также необходимо прибегнуть к работе Хоркхаймера. В труде «К критике инструментального разума», где он остается мысленно привязанным к «Диалектике Просвещения», он разъясняет, что разум на сегодняшний день превратился в инструмент на службе у власти: «его оперативная ценность, его роль в господстве над людьми и природой стали его единственными критериями» [19, с. 30]. Позитивистский подход в сочетании с капиталистическим способом производства ведет к покорению природы человека и посредством него. Таким образом, доместикация имеет двойственный характер: «Каждый субъект не только должен участвовать в покорении внешней природы, но и, чтобы достичь этого, покорить природу в самом себе. Господство становится «внутренним» желанием господства» [19, с. 94]. Освобождение от сил природы при помощи технологий имеет двойную цену: чем больше устройств для покорения природы мы изобретаем, тем больше мы им служим – цивилизаторная культура, таким образом, требует все большего отказа от инстинктов. Некоторая ограниченная компенсация этого достигается посредством потребления – аспект, который Герберт Маркузе обозначил понятием «репрессивной десублимации», потому что удовлетворение потребительских желаний оплачивается за счет принуждения к соответствию индустриальной массовой культуре [11, с. 93]. Основываясь на этой взаимосвязи, Хоркхаймер резюмирует: «Формализация разума ведет к парадоксальной ситуации [...]. Тоталитарные попытки подчинить природу, редуцируют Я, человеческий субъект, к простому инструменту подчинения [...]. Философское мышление [...], которое пытается найти некое примирение, приходит к тому, что забы-

вае или отрицает этот антагонизм» [19, с. 153]. Взаимосвязь между рационализацией и domestikацией для Хоркхаймера, таким образом, является очевидной.

На основании этой почти непрерывной традиции человеческого стремления к господству над природой, могла быть разработана идеология технократии, которая подчиняет людей диктатуре технического обеспечения. «По своей природе безвреднее и беззащитнее, чем все животные, неполноценный в своих высших силах человек, внутренне доверяя, становится домашним животным и тем самым непреднамеренно вызывает свое превращение во вторичную дикую форму, в белокурую бестию – в хлеву» – пишет Г. Плеснер в «Вопросе о состоянии человека» [28, с. 59]. Таким образом, может быть сформулирован основополагающий парадокс domestikации – с эмансипацией от сил природы одновременно возникает новая зависимость от техногенных кризисов. Вследствие этого развитие культуры продвигается при довольно проблематичной интернализации социальных принуждений, что манифестирует себя в социальных кризисах.

Мы постарались коротко осветить четыре основных процесса модернизации во всей их противоречивости. При этом мы делаем акцент на том, что они тесно переплетены между собой и могут быть разделены только на аналитическом уровне.

Итак, модернизация предстает как довольно сложный процесс, но может ли этот процесс просто прийти к своему завершению и при этом привести к «постмодернизации общества», так как «постмодерн» означает не что иное, как завершение модерна и, следовательно, модернизации. Но, если мы окинем взглядом наш современный мир, кажется, что упомянутые нами процессы модернизации продолжают довольно вяло, да и то только подталкиваемые собственными противоречиями и в основном в странах, которые только стремятся к рыночной экономике и для которых модель западного общества является доминирующей целью.

Но даже в ситуации, когда модель модернизации в обществах передовых индустриальных государств находится в кризисе, некоторые прогнозируют обновленную волну модернизации – данные заключения возможны, если рассматривать модернизацию как эволюционный процесс и исходить из продолжающегося развития ее основных направляющих констант. Подобный «эволюционный оптимизм» можно наблюдать у Ю. Хабермаса, когда он говорит о «незавершенном проекте Модерн». Хабермас вместо объединяющей силы массового консюмеризма общества потребления полагается на способность применения закрепленной в жизненном мире коммуникативной рациональности. Хотя он и не отрицает проблемы, возникающие вследствие «устаревшего культурного самопонимания модерна» [18, с. 12], для него не существует никакой альтернативы разуму и принципу рациональности. Только на такой основе может возникнуть некий плодотворный дискурс, который путем взаимного признания претензий на значимость приведет к интересубъективному пониманию. Постмодернистским же Хабермас называет мышление, которое в значительной степени отказалось от требования всеподчиняющего и всеохватывающего разума и по своей сути является больше антимодернистским.

Некоторые видят и достоинства в постмодерне – «... он сделал явным то, что современное общество утратило веру в правильность своих собственных предписаний... Даже они стали контингентными», – пишет Н. Луманн в «Наблюдениях модерна» [26, с. 7]. Термины «сложность» и «контингентность» применяются им в качестве основных характеристик современной социальной системы [26, с. 25], которая включает в себе большое число альтернатив действия для индивидов. В этой связи стоит также упомянуть и технологизацию, которую Луманн рассматривает как положительную, ибо «неизбежным побочным эффектом этой технологизации» [26, с. 21] является саморефлексия, которая ведет к эмансипации. Но, в отличие от Маркса, у Луманна эмансипация ведет не к восстанию пролетариата, а всего лишь позволяет решать проблемы техническими средствами. Этот технократический аспект в мышлении Луманна, несмотря на его «сложность» и «контингентность», соответствует простому модерну, как его называет Бек [2, с. 118], так как его горизонт ориентирован на линейное развитие и на веру в силу техники индустриально стратифицированного общества. Закон движения простого модерна является довольно многогранным, но линейным и одномерно продуманным процессом рационализации в смысле увеличения и повышения разнообразия специфических системных целерациональностей [2, с. 74]. Хотя на сегодняшний день ситуация стала довольно неоднозначной: увеличение индивидуализации стирает классовые и групповые противоречия; ввиду побочных эффектов индустриальной производительности, которая показывает все глобальные риски, верящий в разум эволюционный оптимизм значительно снизился, и господствуют сценарии кризисов; продолжающаяся дифференциация окончательно сделала явной необходимость в координировании и контроле. В этой противоречивой ситуации Бек разрабатывает теорию рефлексивной модернизации, которая, прежде всего, обозначает факт «самоконфронтации модерна с его следствиями, опасными для общества» [2, с. 37], а не только «увеличение знания и передовую роль науки в смысле саморефлексии модернизации» [2, с. 36]. Вследствие этого модернизация принимает некое новое качество, и происходящие изменения овнешняют себя в «конфликте двух модернов». В этом контексте постмодерн можно понимать как ставший рефлексивным, радикальным и поэтому противоречивым модерн. Такое амбивалентное видение процесса модернизации соотносится с теориями классиков, упомянутых нами выше – теориями Зиммеля и Вебера, для которых процессы дифференциации, индивидуализации и рационализации в виду своего дальнейшего развития, совершенно логически, должны только увеличивать свою амбивалентность.

В контексте контroversы модерн/постмодерн нельзя пройти мимо французских философов, чья критика модерна оказала большое влияние на становление так называемого постмодернистского мышления. М. Фуко в своих произведениях предпринимает попытку критического анализа «гуманитарных наук», в процессе которого он обнаруживает лежащие в их основе властные и принудительные структуры, берущие свое начало в эпохе модерна, эпохе разума. По мнению Фуко, гуманитарные науки на сегодняшний день определяют в основном «порядок вещей» [см. 15], формируя посредством своих категорий содержание общественного знания, они являются противополож-

ностью дискурс анализа. Именно в них Фуко видит опасность «психологизма», «социологизма», «антропологизации», снять которую и высвободить дискурсивные практики способна «археология знания» [13]. По многим пунктам в этом отношении разделяет мнение Фуко Ж. Деррида, который заимствует некоторые тезисы Фуко из «Безумия в классическую эпоху» [14] и радикализирует их таким образом, что это становится не чем иным как деконструкцией разума, но не только – также и деконструкцией безумия, которое он, однако, в то же время идеализирует как источник вдохновения: в условиях кризиса именно «безумие является более разумным, нежели разум, потому что находится более близко к жизненному источнику смысла» [7, с.75]. В своей «Грамматологии» [8] он предпринимает попытку снятия логоцентризма, здесь он посвящает себя проблемам знака и языка – релятивизирует претензию на абсолютность, которая была имманентна конструкциям универсального языка Нового времени, и противопоставляет ему свою научную конструкцию мышления дифференциации в эпоху дифференциации [8, с. 169].

Это предприятие напоминает попытку Ж.-Ф. Лиотара превращения метанарративов модерна во «множество языковых игр». Именно Лиотар в своей книге «Состояние постмодерна» [10] характеризует современное трансформирующееся общество как «постмодернистское», которое благодаря технологизации и компьютеризации стало «информатизированным» обществом. Все движется к «гегемонии информатики» и, в связи с этим, к «распространению знаний», которое будет создаваться все более для продажи и перестанет быть самоцелью. На основе этого, можно сделать вывод, что с увеличением экономического значения знания борьба за власть развернется в просторах интернета, что уже сегодня манифестирует себя в усилиях правительств контролировать содержание сети. В работе «Ответ на вопрос: что такое постмодерн» Лиотар представляет модерн как фатальную тоску по целому и единому, по примирению понятия с чувственностью, по транспарентному и коммуникативному опыту [9, с. 103] – к сожалению все это имеет слишком высокую цену – такая попытка целостно охватить реальность превратилась в террор. Поэтому девиз постмодерна, по мнению Лиотара, должен звучать так: «Война целому, будем свидетельствовать о непредставимом, активизировать распри...» [9, с. 140].

Фуко, Деррида, Лиотар в своих работах чаще всего опирались на труды Ницше, который определяется как предшественник постмодернизма. «Можно справедливо утверждать, что философский постмодерн возникает в работах Ницше...», – поддерживает эту точку зрения Дж. Ваттимо [31, с. 17]. Хотя Ваттимо и говорит о постмодерне, провозглашая «конец модерна», это представляет собой всего лишь некую провокацию – «модерн определяется как эпоха преодоления, как эпоха нового, которая заменит все умирающее и старое..., модерн невозможно прекратить, пытаясь его преодолеть..., это было бы только еще большим углублением в логику модерна...» [31, с. 180]. То есть попытка преодоления модерна только еще больше углубляет и изменяет его, восстанавливая вновь и вновь его господство после всех его ошибок. Таким образом, не-

смотря на провозглашенный «конец», ничего постисторического, что тоже очень часто связывается с постмодерном, у Ваттимо не наблюдается.

Совсем по-иному все выглядит у А. Гелена, который также как и упомянутый нами выше Лиотар, исходит из «конца великих метанарративов». В одной из своих статей он задается вопросом о «конце истории», еще задолго до Ф. Фукуямы, но он носит скорее риторический характер. Тем не менее, именно Гелен констатирует то, что вера в прогресс канула в Лету: «пыл сумасшедшей утопии прошел» [21, с. 119]. В другой своей статье он признается: «Я тем самым согласен с прогнозом, что история идей закончилась, и что мы прибыли к постистории» [22, с. 323]. Для Гелена идея постистории является неистребимой фактичностью, с которой связана историческая интрансцендентность реальности индустриального общества и его эмпирической научной программы. Он выдвигает свои тезисы о конце истории, имея в виду уже постиндустриальное общество, разговоры о котором стали популярными еще в 70-х годах в связи с взаимной рецепцией двух книг: «Постиндустриальное общество» Алена Турена и «Грядущее постиндустриальное общество» Дэниела Белла.

Турен понимает постиндустриальное общество как программированное технократическое общество. В большей степени признаком постиндустриального общества является то, что рост экономики «больше определяется посредством политического процесса, а не посредством экономических механизмов» [30, с. 10], и, поглощая любую критику, обеспечивает всеобъемлющую культурную манипуляцию. В центре социальных споров находится не только конфликт между трудом и капиталом, а все более нарастающий конфликт между внепарламентской оппозицией нового социального движения и техно-бюрократией [30, с. 23]. В этой связи интересным является то, что уже Турен указывает на «исчезновение старых культурных основ социальных классов» [30, с. 41] и именно из этого кажется, вырастают новые общественные конфликтные линии: «Все эти конфликты имеют одинаковую природу. Они создают контраст между (технократическими как и бюрократическими) лидерами, движимыми волей к власти, волей к повышению производства, волей к адаптации к требованиям эффективности и повиновением заповедям власти, и индивидами, которые не так работают и защищают свою заработную плату, как организуются в группы, стараясь при этом приобрести смысл своей личной жизни» [30, с. 66]. Для Турена, следовательно, новая технократически-бюрократическая элита постиндустриального общества является противником в борьбе за жизнь, которая не хочет подчиняться «полой продуктивной рациональности».

Работа Д. Белла полностью противоречит предыдущей позиции, постиндустриальное общество, по его мнению, основывается на совершенно ином фундаменте: «Концепт постиндустриального общества подчеркивает центральную роль теоретической науки как основной оси, вокруг которой организуются новые технологии, рост экономики и расслоение общества» [3, с. 112]. Самое большое пространство в постиндустриальном обществе отводится третичному сектору производства, то есть сектору услуг. При этом изменилось не только секторное распределение рабочих мест, но происходят изменения в профессиональных моделях. Кроме того Белл констатирует новую

классовую структуру в новом постиндустриальном обществе знаний, так как измерение знания становится все более значимым для социальной иерархии. Это новое формирование классов имеет влияние и на политическую систему – согласно Беллу, в постиндустриальном обществе именно технические возможности являются основой и только посредством них возможен доступ к власти: «...не только бюрократ, но и политик держит власть в своих руках» [3, с. 260]. Стоит отметить, что в этой концепции постиндустриального общества дают себя распознать элементы «классического» индустриального общества. Даже если сфера услуг станет крупнейшей частью, и наука будет всегда занимать центральное место, производительный сектор остается основным ядром. У Белла, следовательно, общество само в своей постиндустриальной стадии развития имеет еще некоторый материальный базис.

По мнению же Бодрийяра, который придерживается крайне пессимистической оценки постиндустриального, постисторического общества, рамки материального почти взорвали общество и экономику современности: мы живем в постисторическом времени симулякров, в котором «реальное и воображаемое объединились в общую операциональную тотальность» [4]. Обширные возможности манипуляции посредством компьютерных технологий, медиа и генной инженерии (якобы) сделали невозможным различие между симуляцией и реальностью. «Агония реального» [20] не ведет к решению проблемы, потому что реальное только удваивается посредством симуляции: «Реальность превращается в гиперреализм» [4] и поэтому мы находимся как раз «в начале эры гиперреальности».

С 70-х годов набирает обороты не только теория постиндустриального общества, но и теория позднего капитализма. К. Оффе говоря о позднем капитализме, подразумевает доказательство возможности альтернативной типизации «высокоиндустриализированной западной социальной системы», наряду с такими понятиями как «постиндустриальное общество» и «общество постмодерна» [27, с. 7]. Но, только в определении «поздний капитализм», по его мнению, адекватно отражается то, что вопреки различным существующим формам капитализма в его единичных фазах развития в основе системы лежит идентичная логика движения, и именно длительность противоречия труда и капитала. Этой длительности, однако, не противостоят обширные структурные изменения, которые имеют место в действительности, но это в большей степени является выражением продолжающегося доминирования капиталистической логики развития. Прежде всего, появилось стремление посредством организации рынка и государственного глобального регулирования политически сдерживать те тенденции кризиса, которые показывают внутренние противоречия капитализма [27, с. 18-25]. Аналогичным способом эту позицию аргументировал и Ю. Хабермас: противоречия рынка принуждают к интервенции государства, ради поддержания стабильности системы [17, с. 50].

Но в контексте связи между постмодерном и поздним капитализмом не лишним будет обратиться к творчеству Ф. Джеймисона: «Каждый апологетический или стигматизирующий комментарий постмодерна на культурном уровне является одновременно

и необходимым образом имплицитным или эксплицитным мнением о характере современного мультинационального капитализма» [23, с. 47]. Так как в этом мультинациональном капитализме ключевую позицию занимают США, он констатирует: «Следует отметить тот факт, что эта глобальная (и все же американская) постмодернистская культура представляет собой не что иное, как специфическую перестройку последней волны глобального американского военно-экономического господства» [23, с. 49]. Культурные практики этого «американского интернационала» являются для Джеймисона различимыми благодаря глубокой потерянности, плоскостности, а также ослаблению аффектов, что он доказывает на различных примерах. К этому следует еще добавить ностальгическое и неисторическое движение постмодернистской культуры, потому что именно с эклектичным историзмом в постмодерне достигается «распад темпоральности». Культура «все больше доминируется пространством и пространственной логикой» [23, с. 70]. Это приводит к проблеме альтернативной политики [23, с. 62], которая в свою очередь приводит к потере критической дистанции в отношении горизонта современности [23, с. 91]. Но, несмотря на такие критические замечания к «логике культуры позднего капитализма», Джеймисон не осуждает (пост)модернистское развитие, а распознает его диалектику: культурная динамика в позднем капитализме кажется ему одновременно «и катастрофой, и прогрессом» [23, с. 92]. В прошлом, как говорит Джеймисон, речь шла об автономии искусства и именно в этом существовала возможность его трансцендирования за рамки повседневности. В позднем капитализме эта автономия искусства больше не действует: «Исчезновение автономной культурной области может быть понято... как чудовищная экспансия культуры во все сферы жизни, так, что можно сказать, что все в нашей общественной жизни, от экономического закона стоимости и государственной власти до индивидуального действия и отношения к миру [...] становится культурой» [23, с. 93]. Таким образом, в современном обществе все соотносится с культурной логикой глобализирующегося позднего капитализма.

Таким образом, так как в поздне- или посткапиталистическом мире коммуникации и знания играют центральную роль (с отсылкой к упомянутым выше Беллу и Лиотару), общество современности находится на пути к постиндустриальному обществу. Но (теперь с отсылкой к Беллу) ядром постиндустриального общества остается индустриальное общество, так же как ядром индустриального общества является аграрное. Поэтому в будущем знание, как впрочем, и в прошлом, рассматривая с экономической точки зрения, является всего лишь средством для достижения цели обеспечения материальным базисом в (тривиальной) форме продуктов питания и товаров потребления. Даже симуляция симулякра зависит от симулятора, также как виртуальная реальность зависит от вполне реального оборудования. Тем не менее, актуальные установленные связи коммуникационного и информационного секторов будут и впредь продолжать и усиливать фундаментальные социальные изменения. Постиндустриальное общество все-таки должно в своем ядре оставаться индустриальным, так как каждое общество зависимо от производства товаров и именно постиндустриальное общество знания и коммуникации требует индустриальной базы снабжения. Трансформация, таким обра-

зом, больше относится к доминирующим внешним формам (имматериального производства), и только потом к внутренней логике его экономики (материальной аккумуляции).

Как говорилось в начале данной статьи, продолжающаяся модернизация – результат противоречий процесса модернизации – приводит также к увеличению социальных противоречий. Дифференциация и индивидуализация, рационализация и доместикация не останавливаются, а становятся амбивалентными. И даже если это, что наблюдается довольно часто, приводит к антимодернистским интенциям, не приходится (так скоро) рассчитывать на завершение модерна как продолжающейся цивилизационно-технической и социально-культурной модернизации. Таким образом, ситуация, ставшая противоречивой, благодаря продолжающемуся процессу модернизации, является неподходящей для приведения хода истории к состоянию покоя, а наоборот повышает конфликтный потенциал. (Пост)модерн, согласно нашему мнению, именно поэтому можно рассматривать не просто как постисторию, как бессмысленное повторение одного и того же. (Пост)модерн скорее является как раз реализацией требования модерна во вневременности. Этим показывается следующее: (пост)модерн, как отношение к модерну и как его «временной горизонт», должен как возможность (но не как цель) всегда содержаться в модерне. Или, с другой стороны: модерн является предпосылкой постмодерна. Без модерна никакого «пост». При этом одновременно становится явным важное различие. (Пост)модерн можно концептуализировать к структурно-социологическому уровню, который выражается в таких понятиях, как «дифференциация», «индивидуализация», которые становятся более явными в контексте постиндустриального и коммуникационного общества. Кроме того имеется и сознательное изменение (пост)модернистского мышления, корнями которого является амбивалентность процессов рационализации и доместикации. (Пост)модерн, таким образом, является отнесенным к неопределенному будущему, эпохе, которая никогда не начнется, но, тем не менее, постоянно просматривается в перспективе, которая стремится преодолеть настоящее. И граница обеих эпох, модерна и (пост)модерна, всего лишь условность.

Библиографический список

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова М.; СПб.: Медиум; Ювента 1997. 311 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой, послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция 2000 г. 384 с.
3. Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с англ. под ред. д-ра эконом. наук В.Л. Иноземцева. М.: Academia 2004. 688 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] <http://existencia.livejournal.com>.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения: Пер. с нем / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с немецкого. Иваново-Франковск.: Ист-Вью 2002. 352 с.
7. Деррида Ж. Cogito и история безумия // Письмо и различие / Пер. с фр. Сергея Фокина СПб: Академический проект, 2000. С. 43-82.
8. Деррида Ж. О грамматологии. Серия Философия по краям. Серия 1/16./ Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem 2000. 512 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Гл. 1: Ответ на вопрос: «Что такое постмодерн?» / Пер. с фр. А. Гараджа. М.: «Издательство РГГУ», 2008. 145 с.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. /Пер. с фр. Н.А.Шматко СПб.: Алетейя 1998. 160 с.
11. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. / Пер. с англ.; предисл.и примеч. А. Юдина К.: REFL-book 1994. 368 с.
12. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой М.: Аспект-Пресс. 1997. 270 с.
13. Фуко М. Археология знания. / Пер. с франц. М. Раковой, А. Серебрянниковой (2-е изд., испр.) СПб.: Гуманитарная Академия 2012. 416 с.
14. Фуко М. История безумия в классическую эпоху.Серия: Philosophy. / Перевод с французского. М.: АСТ, Астрель, 2010. 698 с.
15. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступ. ст. Н.С. Автономовой. М. Прогресс. 1977. 488 с.
16. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40-53.
17. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воронпай. Общая редакция и вступительная статья О.В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. М.: Праксис, 2010. 264 с.
18. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. Беляева М.М., Костина К.В., ред. Солдаткина Е.И. М.: Изд-во Весь Мир 2003. 416 с.
19. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / Пер. с англ. А.А. Юдина; пред. В.Ю. Кузнецова; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
20. Baudrillard, Jean: Agonie des Realen / Aus d. Franz. übers. von Lothar Kurzawa u. Volker Schaefer Merve Verlag, Berlin 1978. – 110 S.
21. Gehlen, Arnold: Ende der Geschichte? In: Ders.: Einblicke. S. 115–133.
22. Gehlen, Arnold: Über kulturelle Kristallisation. In: Ders.: Studien zur Anthropologie und Soziologie. S. 311–328.
23. Jameson, Fredric: Postmoderne – Zur Logik der Kultur im Spätkapitalismus. In: Huysen, Andreas/Scherpe, Klaus (Hg.): Postmoderne. S. 45–102.
24. Lenski, Gerhard: Macht und Privileg – Eine Theorie der sozialen Schichtung. Suhrkamp, Frankfurt 1973. – 649 S.
25. Loo, Hans van der/Reijen, Willem van: Modernisierung – Projekt und Paradox. Deutscher Taschenbuch Verlag, München 1992. – 279 S.
26. Luhmann, Niklas: Beobachtungen der Moderne. Westdeutscher Verlag, Opladen 1992. – 220 S.
27. Offe, Claus: Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Suhrkamp, Frankfurt 1980. – 204 S.

28. *Plessner, Helmuth*: Die Frage nach der *Conditio humana*. In: (Ders.): Die Frage nach der *Conditio humana*. S. 7–81.

29. *Simmel, Georg*: Über sociale Differenzierung – Sociologische und psychologische Untersuchungen. Duncker & Humblot, Leipzig 1890. – 475 S.

30. *Touraine, Alain*: Die postindustrielle Gesellschaft. Suhrkamp, Frankfurt 1972. – 241 S.

31. *Vattimo, Gianni*: Das Ende der Moderne. Reclam, Stuttgart 1990. – 208S.

32. *Weber, Max*: Die rationale Staatsanstalt und die modernen politischen Parteien und Parlamente (Staatssoziologie). In: Ders.: Wirtschaft und Gesellschaft. Band 2, S. 815–868.

33. *Welsch, Wolfgang*: Unsere postmoderne Moderne. Actahumaniora, Weinheim 1987. – 346 S.

Статья поступила в редакцию 27.05.2013.

МУХИНА Елена Николаевна – аспирант кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 908

Н.Н. Окутина

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МЕЩАНСКИХ ОБЩЕСТВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В статье рассматриваются функции одного из органов городского сословного самоуправления – мещанских обществ. Одним из направлений деятельности мещанских обществ являлось оказание помощи нуждающимся членам своего сословия. Отсутствие финансирования и чрезмерная опека администрации служили серьезной преградой на пути деятельности мещанского самоуправления.

***Ключевые слова:** мещанское общество, сословные общества, местное самоуправление, история местного самоуправления, компетенция, правовой статус, государственная власть, Среднее Поволжье.*

Являясь одним из самых многочисленных городских сословий с конца XVIII века, мещане вносили существенный вклад в пополнение городского бюджета. Вместе с тем, входя в состав мещанских обществ, податное сословие дополнительно брало на себя ряд финансовых обязательств в целях оптимального функционирования органов сословного самоуправления и необходимой материальной поддержки членов обществ. С одной стороны, именно финансовая самостоятельность мещанских обществ во многом определила их независимость в вопросах внутрисословного значения, а также способствовала увеличению числа причисленных к обществам во второй половине XIX века. С другой стороны, тяжесть налогового бремени и увеличение имущественного ценза при выборах в земские и губернские учреждения существенно ограничивала возможность участия в представительных органах власти членов мещанских обществ.

Мещанские общества были призваны обеспечивать не только нужды государства, но и финансировать мероприятия, непосредственно касающиеся деятельности обществ.

ва. В целях обеспечения деятельности мещан общества выполняли следующие функции:

- контрольно-финансовая;
- сословно - социальная;
- делопроизводственная;
- превентивная;
- хозяйственная.

Контрольно-финансовая функция.

По своей сути мещанские общества представляли собой общественные организации мещан, единственным источником финансирования которых были сборы, взимаемые с их членов. Находящиеся на самофинансировании корпоративные органы русского мещанства не могли рассчитывать на субсидии или субвенции со стороны органов городского самоуправления или государства.

Думается, что, установив имущественные права и обязанности представителей корпоративных организаций городских сословий на примере мещанских обществ, можно определить их роль в системе органов местного самоуправления и механизмы обеспечения эффективной работы сословных объединений. При рассмотрении бюджетов управ Самары, Казани и Симбирска, можно заметить, что все они имели однотипную структуру, источники прибыли и статьи расходов, различаясь лишь суммами. Неизменным оставалось лишь одно – процессом принятия главного финансового документа корпоративных организаций – бюджет мещанских управ утверждался губернатором по представлению Городской думы. [1].

Доходными источниками бюджета органов корпоративного управления мещан являлись:

- общественные повинности;
- денежные средства, выплачиваемые за выдачу паспортов;
- средства, выплачиваемые при принятии в общество,
- проценты на мещанский капитал, вложенный в банк,

Отчеты по кассовым книгам свидетельствуют о том, что часть мещанских денежных средств размещалась в отделении Государственного Банка и давала довольно высокие доходы в год – от 150 до 300 рублей. [2]

Для финансирования деятельности управы с членов мещанских обществ собирались общественные сборы. Величина сборов с души не сильно подвергалась изменению: в 1857 г. общественный сбор с души не превышал 55 копеек [3], в 1887 г. максимальная величина общественного сбора составляла 66 копеек [4], а в 1893 г. – не более 75 копеек. [5] Все средства, поступившие в управу, можно квалифицировать по следующим основаниям:

- 1) направляемые на обеспечение деятельности органов мещанского общества:
 - содержание служащих управы,
 - жалование писарю или нескольким писарем;
 - плата за аренду и содержание помещений (коммунальные платежи);

- выписка газет, журналов министерства внутренних дел с целью своевременного ознакомления с законодательными актами и ведения документооборота;

- на печать бланков;
- покупка канцелярских принадлежностей,

2) направляемые на возмещение расходов по оплате лечения мещан в местных и иногородних больницах;

3) направляемые на обучение детей мещан;

4) направляемые в качестве взносов на благотворительные нужды, питание, на пожертвование бедным, на похороны бедных и т.д. [7]

Стоит отметить, что многие мещане старались уйти от налогового бремени, переезжая в другие губернии в нарушении норм закона, или отказываясь от уплаты налогов или описи имущества в случае недоимки. Нередко помощники старост, превышая свои полномочия, причиняли должникам физический вред.

Сословно-социальная функция.

Значительная часть средств расходовалась на нужды благотворительности. Расходы на данную сферу обуславливались сложившимися религиозными взглядами и убеждениями, а также существующими прочными связями внутри общины. Особенностью благотворительной деятельности мещан было то, что она носила узкосословный характер. Сама община была призвана консолидировать и аккумулировать собираемые средства мещан на нужды благотворительности для поддержки своих членов.

Социальное назначение общины заключалось в помощи бедным и престарелым мещанам при лечении в больницах[6], выдаче пособий малообеспеченным семьям, оказание продовольственной помощи. Мещанские общины также обеспечивали призрение бедных, одиноких стариков и сирот.

Мещанские общины также оказывали помощь своим членам путём выплаты больничных счетов, которые утверждались после подписания соответствующего приговора схода, на котором проверялось наличие близких родственников по ревизским сказкам, тяжесть заболевания и благосостояние мещанина, просящего.

Основанная на круговой поруке такая помощь мещанам была не слишком эффективна потому, что высокая плата за лечение порождала задолженности [8]. Только в 1911 г. Указом Сената плата за лечение членов обществ была отменена [9].

Делопроизводственная функция.

На общину возлагалось главным образом ведение списков мещан и приписка новых членов. Старосты и управы вели семейные списки, в которые вносили сведения о возрасте общинников, составе семей, данными о местожительстве и происхождении, занятиях и судимости [10]. Заключение и расторжение браков, раздельное проживание членов семей, усыновление или удочерение, были одними из наиболее важных функций мещанских общин.

Кроме того, мещанские общины удостоверяли сословную принадлежность общинников, их семейное и материальное положение. Данные сведения запрашивались

для оформления наследства, поступления в учебные заведения, для несения рекрутской повинности [11].

Превентивная функция.

На мещанские общины возлагались также обязанности применять меры по предупреждению преступлений путём обеспечения строго надзора над бывшими арестантами – мещанами на срок от года до четырех лет. Для них вводились территориальные ограничения, т.е. они не могли покидать город без дозволения полиции или мещанского общества. Закон также определял право общины принимать исправительные меры в отношении лиц, чьё поведение «не соответствовало званию мещанина» от 1 до 6 месяцев [12].

Приговоры, согласно которым мещанам назначаются меры исправительного характера в виде трудовой повинности, не доводились до губернских властей. Кроме того, и в современном уголовном законодательстве исправительные и обязательные работы, назначаемые виновному лицу, являются одним из гуманных и эффективных, с точки зрения достижения главной цели наказания - исправления преступника и пресечения совершения общественно опасных деяний вновь, видов наказания.

Хозяйственная функция.

Важной функцией мещанских общин городов Среднего Поволжья являлось землепользование и помощь семьям мещан в ведении хозяйства. Это объяснялось тем, что земледелие было основным занятием мещан, а, во – вторых до 1870 г. мещанские общины имели в собственности участки земли и леса вокруг городов или безвозмездно пользовались городскими землями на правах «коренных» жителей. Затем ситуация изменилась. Общинные земли получили статус городских. После введения Городового Положения 1870 г., окончательно уничтожившего городскую поземельную общину, мещане могли арендовать только городские земли. Лес и земля арендовались централизованно и распределялись затем между пользователями, преимущественно только бедными и не имеющими других средств к существованию. Наделы могли получить исключительно лица мужского пола, как взрослые, так и дети. В случае если мещанин не обрабатывал землю самостоятельно, а нанимал работников или сдавал свой участок в аренду, то он лишался права на землю. Земельные участки отбирали также за неуплату оброка.

Община организовывала централизованную охрану пахотных и луговых участков на время сезона засева, созревания и сбора урожая. Также органы мещанского самоуправления организовывали снабжение своих членов древесиной для топлива, заключая договоры о покупке участков леса для вырубки.

Таким образом, активная деятельность мещанских обществ в области управления обуславливается тем, что они были отчасти формализованы государством, имели устойчивую самоорганизацию и рычаги давления.

Сложный процесс формирования мещанской общины выразился в многообразии функций. Основная деятельность мещанских обществ нередко сводилась к благотворительности и социальной помощи. Финансовая поддержка, выражаемая в форме целевых

пожертвований, взносов на открытие и поддержание новых благотворительных обществ и заведений, основание именных стипендий – все это, безусловно, находило положительный отклик в обществе и имело значение. Но значительная часть функций здравоохранения, социальной помощи, народного образования перешли в руки земств и городских дум.

Библиографический список

1. ГАУО, ф. 88, Т.1 оп.1, д.1252. 1902. Сведения об утверждении приговора мещанского общества о расходах по мещанскому управлению. ГАСО, ф.1, оп.3, д.164. 1851 г. Дело по рапорту Самарской Городской Думы с приговорами мещан о сборе денег на удовлетворение разных частных законных надобностей общества.

2. ГАУО, ф. 143 оп.1, д.212. 1888 г. Сборник документов о денежном отчете за 1887 г. об окладах на 1888 г. и о расписании расходов по обществу. О причислении к мещанскому обществу. О выражении мещанами верноподданнических чувств царю Александру III в связи с избавлением его от смерти при крушении поезда 17 октября 1888 г.

3. ГАСО, ф.217, оп.1, д.26. 1857 г. Приговора.

4. ГАУО, ф. 143 оп.1, д.212. 1888 г. Сборник документов о денежном отчете за 1887 г. об окладах на 1888 г. и о расписании расходов по обществу. О причислении к мещанскому обществу. О выражении мещанами верноподданнических чувств царю Александру III в связи с избавлением его от смерти при крушении поезда 17 октября 1888 г.

5. ГАУО, ф. 143 оп.1, д.281. 1894. Заявления и прошения мещан; роспись расхода по Симбирскому мещанскому управлению, Списки мещан и депутатов мещанского общества и Манифест по случаю бракосочетания императора Николая Александровича.

6. ГАУО, ф. 143 оп.1, д. 153. 1880 г. Податная тетрадь мещанской управы г. Симбирска. ГАУО, ф. 143 оп.1, д. 60. 1873 г. Отчёты мещанского старосты о приходе и расходе денег. НА РТ, ф.496 оп. 1, д. 1. 1899 г. Отчет о приходе и расходе денежных сумм за 1898 г. ГАСО, ф.1, оп.3, д.164. 1851 г. Дело по рапорту Самарской Городской Думы с приговорами мещан о сборе денег на удовлетворение разных частных законных надобностей общества.

7. Свод законов Российской империи. 1892. Т.ХIII. Устав общественного призрения. – СПб., 1892. ст. 162.

8. ГАУО, ф. 143 оп.1, д.148. 1880 г. Сборник приговоров общества мещан Симбирска о призрении бедных, ГАСО, ф.217, оп.1, д.333. 1902 г. Журнал о приходе и расходе Самарского мещанского общества, НА РТ, ф.2, оп.3, д.644. 1881 г. Об утверждении приговора Свяжского мещанского общества о сборе с мещан г. Свяжска в 1881 г. денег на общественные надобности.

9. Указ Правительственного Сената 28 января 1911 №1175. - Вилейшис Я.М. Систематический сборник законов о мещанских управлениях. – Херсон, 1914. С. - 350.

10. НА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2832. 1898 г. Посемейный список мещан – мусульман г. Казани за 1898 – 1911 гг. ГАУО, ф. 143 оп.1, д.68. 1874-1875 гг. Посемейный список симбирских мещан.

11. НА РТ, ф. 1015, оп. 1, д. 5. 1900 г. О рождении, бракосочетании и смерти мещан, ГАУО, ф. 143 оп.1, д.42. 1874 г. О рекрутской повинности.

12.Свод законов Российской империи 1890. Т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений.– СПб., 1890. С.186.

Статья поступила в редакцию 24.05.2013.

ОКУТИНА Наталья Николаевна – соискатель Тольяттинского государственного университета.

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК: 811.512. 153

А.Н. Чугунекова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ ТҮС ‘СПУСКАТЬСЯ’ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена анализу семантической структуры глагола движения тҮс= ‘спускаться’ в хакасском языке. В центре нашего внимания были следующие значения глагола: 1) спускаться, слезать (сверху, с возвышенности); 2) высаживаться, выходить, сходить (с автобуса), слезать (с коня и т.п.); 3) падать, выпасть, опускаться; а) упасть (свалиться) откуда-л.; б) выпасть; 4) приземляться, снижаться, садиться; 5) выпасть (об осадках). Различие значений у этого глагола определяется тремя основными факторами: субъект движения, среда передвижения и способ совершения движения.

Ключевые слова: хакасский язык, семантическая структура, глагол движения, субъект движения, среда передвижения.

Глаголы движения (далее – ГД) составляют группу слов, которые присутствуют в любом языке. По характеру осуществления движения ГД в современном хакасском языке подразделяются на два основных класса: 1) глаголы поступательного (направленного) движения; 2) глаголы непоступательного движения (вращательного, колебательного) движения.

Как и в других тюркских языках, органическим признаком глаголов поступательного движения в современном хакасском языке является направленность движения, которая строго дифференцирована в смысловой структуре глаголов. Дифференциация

© Чугунекова А.Н., 2013.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 12-04-00245).

проводится на основе следующих абстрактных семантических категорий: целенаправленное движение по вертикали *вверх* и *вниз* — движение по горизонтали *внутри* и *изнутри*, движение по направлению *к субъекту наблюдения* — движение по направлению *от субъекта наблюдения*, движение по направлению *к объекту* — движение по направлению *от объекта*.

В данной статье анализируется глагол целенаправленного движения *tjʉc* = ‘спускаться’ со структурно-семантической точки зрения. С семантической и синтаксической точек зрения этот глагол рассматривался в работе автора данной статьи [1]. Также на материале современного хакасского языка глаголу *tjʉc* = ‘спускаться’ посвящен параграф в монографии О.Ю. Кокошниковой [2]. Основное внимание в этой работе уделено выявлению и определению основных типов лексического значения глагола *tjʉc*, а также сопоставлению этого глагола с аналогичными глаголами в тюркских языках Южной Сибири (алтайский, тувинский и шорский). Из тюркских языков Южной Сибири этот глагол рассматривался на материале тувинского языка [3, с. 146-149].

Хакасский глагол *tjʉc* = ‘спускаться’ является многозначным. В хакасско-русском словаре зафиксировано 13 значений: 1) спускаться, опускаться, сходить, слезать (*сверху, с возвышенности*); 2) высаживаться, выходить, сходить (*напр. из автобуса*), слезать (*с коня и т. п.*); 3) падать, выпадать, опускаться; **tjʉc парарга** а) упасть (свалиться) *откуда-л.*; б) выпасть; 4) приземляться, снижаться, садиться; 5) выпадать (*об осадках*); б) падать, снижаться (*напр. о ценах*); 7) дуть (о ветре); 8) выпадать (*о зубах, волосах*); 9) спадать (*о полноте*); 10) останавливаться *где-л., у кого-л.*; 11) впадать, погружаться *во что-л.*; 12) облагаться, подвергаться штрафу; 13) в качестве вспомогательного глагола указывает на совершение внезапного и неожиданного действия [4, с. 687].

В центре нашего внимания будут те значения глагола *tjʉc*, которые характерны для глагола движения: 1) спускаться, слезать (*сверху, с возвышенности*); 2) высаживаться, выходить, сходить (*с автобуса*), слезать (*с коня и т.п.*); 3) падать, выпадать, опускаться; а) упасть (свалиться) *откуда-л.*; б) выпасть; 4) приземляться, снижаться, садиться; 5) выпадать (*об осадках*).

Различие значений у этого глагола определяется тремя основными факторами:

1) Субъект движения. О.Ю. Кокошникова отмечает, что «Основное значение глагола (*tjʉc* – прим. автора статьи) во всех языках (*хакасском, алтайском, тувинском, шорском* – прим. автора статьи) ‘спуститься, переместиться сверху вниз, опуститься’. Субъект представлен как одушевленным (*кiзi* ‘человек’, *аң* ‘животное’), так и неодушевленным существительным (*суғ* ‘река’, *самолёт* и т.п.), способным к самостоятельному движению. Глагол предполагает локализатор, какое-либо место, находящееся в точке, расположенной ниже той точки, куда перемещается субъект действия. От локализатора глагол требует исходного и направительного падежей [2, с. 103].

ЛСВ₁ ‘спускаться’ реализуется при описании движения субъекта сверху вниз, сходя по чему-либо. Субъектом движения при значении ‘спускаться’ может быть как человек, так и животное. Например: *Бетон кiрлесче тiртiнчi хадылзар сыхчадып, ол [Камзар] пазох iкiнчiлебiскен: кiрчең таң кiрбечең оларзар? Удур, iдiктерiнең кiзiрeп*

ала, оолагас тўсчеткен [ИТ Т, 6] ‘Поднимаясь по бетонной лестнице на четвёртый этаж, он [Камзар] опять стал сомневаться: то ли заходить к ним, то ли нет. Ему на встречу, спускался мальчик’; *Тиинічек агас пазынаң чирзер тўс килген* ‘Белочка спустилась с макушки дерева на землю’.^{1*}

ЛСВ₂ ‘слезать (с коня)’. Например: *Онсар аттаң тўскен* [МТ ПТ, 64] ‘Онсар слез с коня’; *Пірсі аттаң тўзіп алтыр* [ТБ О, 20] ‘Другой слез с коня’.

ЛСВ₂ ‘высаживаться, выходить, сходить (с автобуса, поезда)’. Это значение реализуется при описании субъекта, который удаляется из какого-либо транспортного средства. Субъектом движения может выступать только человек. Например: *Сынап таа, автобустаң тайым тўсче* [ИТ Т, 78] ‘Действительно, из автобуса выходит [мой] дядя’; *Хаңаадаң пастап чоон Апанай оолгы Апчанай – пістің кнезібіс – тўс килді, аның соонаң пір хайдаг-да узун састыг, узун киптиг кізі тўс килген* [ВК, 96] ‘Сначала с телеги спустился наш председатель, сын большого Апанайа Апчанай, после него спустился один какой-то человек с длинными волосами, в длинном пальто’.

ЛСВ₃ ‘падать’. Субъектом движения при ЛСВ₃ выступают частицы жидкости (роса). Например: *Иртензер салын тўскен* ‘К утру пала роса’; *Соох хыролар чирзер тўсклеп турганнар* [ВК, 111] ‘Хлопья инея падали на землю’.

ЛСВ₃ ‘упасть’ передаётся аналитическими конструкциями: *тўс парарга, тўс чөрібізерге, пар тўзерге* ‘упасть от субъекта наблюдения’, *кил тўзерге* ‘упасть в сторону субъекта наблюдения’. Субъектом может быть как живое, так и неживые существа. Например: *Мишка, азах үстүне тур полбин, полга тўс парган* [ВК, 60] ‘Мишка, не удержавшись на ногах, упал на пол’; *[Тыт] көйчеткен оттаң сала ла оортах арах тўс парды* [АС КА, 54] ‘[Лиственница] упала недалеко от костра’; *Саңай сас-ойда пар тўсті* [АС КА, 35] ‘Упал прямо навзничь’; *Пір саңай ікі аастаң нызырадыбысты малычы кізі - ікі тинте тігі пар тўсті* [АС КА, 88] ‘Пастух одновременно сделал два выстрела, тогда две жестяные банки улетели туда’; *Казан апсах, соордаң тўзіп, ол оолзар ойлап киліп, адының тинін пылазып, позы алданып, тізнекти тўс парган* [ВК, 116] ‘Дед Казан, спустившись с телеги, подбежав к этому парню, умоляя, упал на колени’; *Пахлабыссалар: потологы тўс чөрібістір* [ГК ПАО, 107] ‘Заглянули туда: потолок рухнул’.

ЛСВ₃ ‘опадать’. Данное значение реализуется при описании субъекта, который может удалиться сверху вниз, отделившись от стебля, ветви. Субъектом движения являются расчлененные множества предметов. Например: *Кўскүде агас пүрлері тўс сыхча* ‘Осенью начинают опадать листья’.

ЛСВ₄ ‘приземляться, снижаться, садиться’. Данный ЛСВ реализуется при описании субъекта, который двигается сверху вниз по воздуху. Например: *Амды пеер тайга аарлары тўзерлер* [АС КА, 61] ‘Теперь сюда будут садиться таёжные пчёлы’; *Сах ол арада ах сүбүрекке пір аар тўс килген* [АС КА, 61] ‘Как раз в том месте на белую ткань

*Это предложение придумано автором этой статьи, который является носителем хакасского языка. Далее все примеры без ссылки на источник в квадратных скобках – примеры автора статьи.

села одна пчела'; *Хайда-да учух чөрчеткен аарлар агамзых сүбүрексер түсклеп настабыстылар* [АС КА, 62] 'Пчелы, которые где-то летали, стали садиться на беловатую ткань'; *Агамзых сүбүректен ортах арах сал салган хахпахсар нир бе, ікі бе аар түс килген* [АС КА, 63] 'Две-три пчелы сели на навес, который был расположен чуть подальше от белой ткани'.

ЛСВ₅ 'выпадать (об осадках)'. Субъектом движения при данном значении являются атмосферные осадки. Например: *Пуул хар көп түс парган* 'В этом году выпало много снега'.

По нашим данным в хакасском языке глагол *түс*= имеет ещё значения 'вязнуть' и 'проваливаться'. Эти значения реализуется при описании субъекта, который увяз в грязь, снег и т.п. Субъектом движения являются человек, животное, транспортное средство (машина, трактор, мотоцикл...). Например: *Машина палгасха түс парган* – Машина увязла в грязи; *Хара инебис палгасха түс партыр* 'Наша чёрная корова увязла в грязи'; *Тири харга кире түс парган* [ВК, 185] '[Его] оружие провалилось в снег'; *Пис көртікке кире түс паргабыс* 'Мы провалились в сугроб'.

2. Среда передвижения. Средой передвижения при ЛСВ₁ 'спускаться', ЛСВ₂ 'слезать (с коня)', ЛСВ₂ 'высаживаться, выходить, сходить (с автобуса, поезда)' является твёрдая поверхность. Например: *Ичезі тура үстүнең чирзер түскен* [НТ КК, 13] '[Его] мама спустилась с крыши дома на землю'; *Хайдар парар, чалаас азах кірлестен пустал парган харча түсче* 'Куда деваться, босиком спускается по ледяному снегу с крыльца'; *Олар нир станцияда түскеннер* [СЧ АҰХ, 137] 'Они вышли на одной станции'.

При ЛСВ 'вязнуть' средой передвижения является рыхлая масса. Например: *Пис хаңаалыг палгасха түс паргабыс* 'Мы на телеге увязли в грязи'.

При ЛСВ₃ 'падать', ЛСВ₃ 'выпадать', ЛСВ₄ 'приземляться, снижаться, садиться', ЛСВ₅ 'выпадать (об осадках)' средой передвижения может быть воздушная среда. Например: *Мына настагы аарычах тыло үстүнде хайны чөр сыхты. Аның арт-соонча пазох нирсі түс килді* [АС КА, 27] 'Вот первая пчела стала летать над кочкой. После неё ещё одна пчела села'; *Турналар от сапчаң нүгіме түсчелер* (АТ, 80) 'Журавли садятся на моём покосе'; *Автобустар андар [аалзар] чит полбинчалар, самолёттар анда түспинчелер* [ИТ Т, 91] 'Автобусы туда [до деревни] не могут доехать, самолёты там не садятся'.

3) Способ совершения движения. При ЛСВ₁ 'спускаться' субъект спускается с какой-либо возвышенности, двигаясь ногами. Например: *Ікі кізі таг пазынаң түс килген* 'Два человека спустились с горы'; *Хайди полза, хоосхачах тура үстүнең чирзер түзіп алган* 'Наконец-то котёнок спустился с крыши на землю'.

При ЛСВ₁ 'слезать' субъект сходит с какого-либо предмета ступая ногами. Например: *Пөзік сиденнең түзіп алдым* '[Я] слез с высокого забора'.

При ЛСВ₂ 'слезать (с коня)' субъект сходит с коня ступая ногами. Например: *Ол аттаң угаа чапчаң түс килген* 'Он очень быстро слез с коня'.

При ЛСВ₂ ‘высаживаться, выходить, сходить (с автобуса, поезда)’ субъект сходит с какого-либо транспортного средства, ступая ногами. Например: *Ооллар машинадаң тўс килгеннер* ‘Парни спустились с машины’.

При ЛСВ₃ ‘падать’, ЛСВ₃ ‘выпадать’, ЛСВ₄ ‘приземляться, снижаться, садиться’, ЛСВ₅ ‘выпадать (об осадках)’ способ совершения действия не определяется. Например: *Холындагы тудынчактары кинетін чирзер тўс парганнар* [СЧ АҰХ, 4] ‘Вещи, которые были у неё на руке, вдруг упали на землю’; *Сарыг тўс хыйын тўс парды* [СЧ АҰХ, 4] ‘Жёлтый туюсок упал набок’; *Пўүн хараа улуг хар тўс партыр* ‘Сегодня ночью выпал глубокий снег’.

При ЛСВ ‘вязнуть’ способ совершения действия может уточняться из контекста.

Таким образом, по способу связей ЛСВ друг с другом семантическая структура глагола *тўс* ‘спускаться’ относится к радиально-цепочному типу полисемии.

Библиографический список

1. Чугункова А.Н. Глаголы движения в хакасском языке. Учебное пособие. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2002. 100 с.
2. Кокошников О.Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: ИД «Сова». 2004. С. 103.
3. Барыс-Хоо В.С. Семантическая структура глагола движения дүш= ‘спускаться’ в тувинском языке // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы III Международной научной конференции, 23-25 сентября 2010 года, г. Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2010. С. 146-149.
4. Хакасско-русский словарь (Хакас-орыс сөбтік). Новосибирск: Наука, 2006.

Список сокращений текстовых источников

- АС КА – А. Султреков, Кўндүр ағас. Повесть (на хакасском языке). Абакан. Хакасское книжное изд-во, 1996.
- ВК А – В. Кобяков. Айдо. Повесть (на хакасском языке). – Абакан, 1969. – 200 с.
- ГК ПАО – Г. Казачинова, Ребята нашего аала. Рассказы для детей младшего школьного возраста (на русском и хакасском языке). Абакан: Хак. издат., 1991. 112 с.
- ИТ Т – И. Топоев, Туғаннар. Чоохтар. Абакан: Хак издат. 1992. – 122 с.
- НТ КК – Н. Тиников, Кавристің көглері. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1977. 135 с.

СЧ АҮХ – С. Чарков, Ах ҮҮс хазында, Абакан, 1976.

ТБ О – Т. Балтыжаков, Орис. Повесть. Абакан, 1964. 67 с.

Статья поступила в редакцию 24.05.2013.

ЧУГУНЕКОВА Алена Николаевна – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

УДК

М.А. Попова

МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИДЕО И ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПРОСТРАНСТВЕ СПЕКТАКЛЯ

В данной статье рассматривается взаимоотношение видеопроекций и драматургического текста на театральной сцене. Автором предлагается концепция принципов функционирования видео в спектакле по отношению к тексту пьесы. Показано, каким образом видеопроекции влияют на драматургию спектакля.

Ключевые слова: театр, современный театр, видеопроекции, драматургический текст, пьеса, театроведение.

Основным материалом для постановки спектакля на театральной сцене является драматургический текст. Драма как отдельный вид литературы имеет свою особенную специфику и состоит из «основного и второстепенного текстов» [1, с. 373]. К первому тексту относятся реплики, монологи, диалоги, а ко второму – ремарки. Пьеса в виде организованной структуры элементов основного и второстепенного текстов выстраивается в качестве последовательных актов и включенных в них действий. Сюжетная композиция пьесы также развивается по определенной системе. Такие особенности данного литературного произведения дают возможность к его театрализации. Драматургический текст не обладает свойствами подробного описательного характера места и времени действия, художественного и психологического портрета героев, а лишь, в общем указывает на эти характеристики (в виде ремарок, реплик или внетекстовых элементов пьесы), что позволяет режиссеру интерпретировать образы героев и мест действия в соответствии со своим видением спектакля. Таким образом, принято разделять «текст как таковой и текст в его сценическом воплощении», так как они имеют «различный смысл в двух различных контекстах» [2, с. 139]. Визуализируя на сцене те или иные элементы драматургической основы, режиссер может использовать различные средства

при создании образа спектакля. Одним из таких способов является применение в спектакле видеопроекций. Первые эксперименты с видео на сцене начались еще в начале XX века, но на данный момент подобный визуальный прием получил по-настоящему широкое распространение. Обладая отличными от театра выразительными средствами, видеопроекции несут не только декорационную функцию, но также начинают взаимодействовать с текстом пьесы и в итоге семантически обогащают спектакль.

Попытаемся рассмотреть основные принципы функционирования видео в пространстве спектакля по отношению к драматургическому тексту на основе собственной классификации.

Одним из способов взаимодействия видео и драматургического текста на сцене можно назвать приемом замещения, когда на экране визуализируется как основной текст пьесы, так и второстепенный. В первом случае подразумевается вычленение определенного отрывка пьесы из игрового пространства спектакля и представление его в качестве видео на сцене. В этот момент сюжет пьесы разворачивается на экране, и фокусирование внимания направлено именно на него, поэтому на сцене может не происходить никаких дополнительных действий.

Замену сценической игры на видеоряд режиссер также может использовать для расширения обыгрываемых мест действия и выхода из сценического пространства. При этом происходит переосмысление одного из главных театральных принципов, когда сюжет строится на точно определенном пространственно-временном указании – на сцене действие происходит здесь и сейчас. При включении видео в спектакль, режиссер по своему замыслу может перемещать героев в иную пространственную среду, не указанную в тексте самой пьесы и не представленную на сцене. В таком случае действие для зрителя происходит сейчас, но не здесь, а за пределами сценического пространства. К. Богомоллов, используя данный прием в спектакле «Год, когда я не родился», открывает зрителю новое пространство квартиры Судакова и помещает некоторые диалоги за пределы гостиной (основного сценического места действия) – в спальню героев. Трансформация принципа «здесь и сейчас» позволяет зрителю увидеть приватную зону обитания героев, это происходит сейчас и где-то рядом, и режиссер может добиваться более точного и подробного представления жизни героев, их характеров, отношений. Нужно отметить, что подобный способ перемещения действия за пределы основного места события расширяет возможности создания внесценического пространства, которое ранее обыгрывалось с помощью звуковых и световых эффектов.

Прием замещения также может использоваться при визуализации второстепенного текста пьесы, в данном случае декорационных ремарок. Согласно типологии И. Чистюхина это могут быть: ремарки места, ремарки времени, сюжетные, сценографические, литературно-повествовательные [3, с. 40-42]. Технические возможности проекции позволяют создавать самую разнообразную среду обитания – как интерьерные, так и ландшафтные пространства. При этом необязательно их постоянное воспроизведение в спектакле в качестве фона или декорационного элемента сцены, они могут появляться в

начале действия, как пролог, в виде связки между действиями или в особо значимых моментах пьесы.

Следующий вид взаимодействия драматургического текста и видео представляет собой принцип дублирования действия, происходящего на сцене. Проецирование на экран разыгрываемого актерами действия предполагает съемку и ее воспроизведение в реальном настоящем времени, но также применяется метод псевдорéalити съемки, когда видео транслируется в записи.

При повторении действия на экране, камера точно фиксирует пластику и движения актеров, что позволяет точно и подробно представить психологический портрет героев и их взаимоотношения. Подобное запечатление игрового пространства на сцене дает возможность делать акцент на используемые режиссером ремарки пьесы, которые относятся к действию и поведению персонажей. Также обращаясь к типологии И. Чистюхина, для данного приема взаимодействия выделим следующие типы ремарок: жестовые, жестово-эмоциональные, речево-интонационные, мизансценические, уход и вход персонажа, адресат реплики, ремарки эмоциональной природы, совершения действия, физического состояния, паузные. Детальность такой демонстрации героев позволяет сократить дистанцию между зрителем и сценой, в этом случае невозможно скрыть незначительные детали, так как каждый эпизод игрового действия становится объектом тщательного анализа. В зависимости от режиссерского видения спектакля и его составляющих тот или иной выбор способа съемки может решать различные сценические задачи. К примеру, проецирование съемки вида сверху (плана) делает отсылку к продукту массовой культуры – реалити-шоу, в таком случае камера может охватывать не только место действия, но и мизансцены, поведение персонажей, фиксируя их невербальные коммуникации. Применение же фронтальных крупных планов в съемке актеров усиливает драматичность и психологизм происходящего действия, где концентрация внимания будет на главных героях пьесы. При этом данный дублирующий прием взаимодействия видео и текста также является элементом сценографии спектакля, когда видео проецируется на экран, плоскости сцены или декорации.

Третий принцип взаимодействия – дополняющий, являющийся одним из самых распространенных методов еще с первых практических опытов взаимодействия видео и театральной сцены. Так, в своем исследовании Стив Диксон, описывая эксперименты применения цифровых технологий в первой половине XX века, формулирует тенденцию использования видео как попытку «для отображения мыслей и чувств героя» и приводит цитату американского сценографа Роберта Эдмонда Джонса: «На сцене – их физическая жизнь; на экране – духовная. Сцена используется объективно, экран – субъективно, как драматический контрапункт. Никаких внутренних побуждений не передается через действие, но действие и побуждение одновременно открываются нам» [4]. Но в современном театре подробный дихотомический прием использования видео в спектакле выполняет более сложные смысловые нагрузки, придавая спектаклю дополнительную метафорическую насыщенность. Этот метод можно условно рассматривать по двум принципам: смежности и контрасту происходящим на сцене событиям. Надо

сказать, что в отличие от замещающего и дублирующего приемов включения видео в пространство сцены, особенностью данного способа является возможность широкой интерпретации текста пьесы режиссером в зависимости от его художественного замысла, концепции спектакля и видения героев. При семантической смежности текста и видео, проекция подчеркивает смысловое содержание игрового действия на сцене, усиливает эмоциональное напряжение события пьесы, представляя их визуальные подтверждения в различных образах на экране. В случае контраста тексту противопоставляется видео с противоположным, спорящим с ним, сообщением, где эффект раздвоения смысла создается с помощью контекста и ассоциаций. В данном приеме важным моментом является поиск в области «сказанного и несказанного», когда на экране визуализируется режиссерская интерпретация внетекстового пространства пьесы.

Рассматривая способы функционирования видео и драматургического текста, важным моментом является факт визуализации на сцене непосредственно текста произведения. Исходя из предложенной классификации (замещение – дублирование – дополнение) можно также вывести определенную закономерность. При замещении текста видеоизображением возможно проецирование ремарок с указанием места и времени действия пьесы или трансляция текста вместо самого игрового действия. В приеме дублирования можно также проецировать различного типа ремарки, повторяющие действия персонажей и реплики основного текста пьесы. При дополняющей функции на экране могут появляться отдельные ключевые фразы пьесы или ассоциативные слова связанные и словосочетания. Вытеснение текста из игрового пространства спектакля в пространство экрана становится актуальным методом в поиске новых средств театра и одним из способов переосмысления драматургической основы спектакля.

Таким образом, видеопроекции, являясь одним из инструментов визуального обогащения театральной сцены, способны влиять на драматургию спектакля и трансформировать с помощью кинематографических средств отдельные театральные принципы. Использование видео в спектакле усиливает текстуальные свойства театра, предлагая иное прочтение пространства пьесы, понятий места и времени, усложняя и раскрывая характер персонажей.

Библиографический список

1. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 373 с.
2. Бенгли Э. Жизнь драмы. М.: Искусство, 1978. 139 с.
3. Чистюхин И.Н. О драме и драматургии// Электронная библиотека. 2010. URL: <http://review3d.ru/i-n-chistyuxin-o-drame-i-dramaturgii> (дата обращения: 25.05.2013).
4. Digital Performance: A History of New Media in Theater, Dance, Performance Art, and Installation/ Cambridge: The MIT Press, 2007. (Пер. К. Елфимова).

Статья поступила в редакцию 26.04.2013.

ПОПОВА Мария Александровна – магистрант кафедры дизайна Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

УДК 371

Д.Л. Носова

АДАПТАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Обучение в вузе для современного молодого человека – один из важнейших периодов его жизни, личностного роста и становления как специалиста с высшим образованием. Поиск путей успешной адаптации к изменившимся социальным условиям и новой деятельности является насущной проблемой для каждого, кто переступил порог вуза.

Ключевые слова: адаптация, формы адаптации, профессиональная ориентация.

Первый год обучения студента в любом вузе считается, со слов Авдеюка О.А. («Адаптация первокурсников к обучению в вузе и роль олимпиад по техническим предметам в этом процессе») по праву самым проблематичным. Трудности, ожидающие первокурсника любой специальности, связаны с резкой сменой содержания и объёма учебного материала; специфичными для вуза видами занятий; с новой профессиональной и предметной терминологией; отсутствием навыков самостоятельной работы; неумением конспектировать, работать с первоисточниками; новой социальной средой; иными нормами поведения в вузе и взаимоотношениями «преподаватель-студент»; слабой профессиональной ориентацией и т.д. Все эти трудности адаптационного периода различны по своему происхождению, одни из них имеют объективный характер, другие – субъективный. Адаптация первокурсников – это сложный и многогранный процесс, требующий совместных усилий студентов, преподавателей, деканата, профкома студентов, а также семьи. В настоящее время существует множество подходов (например, организация олимпиад и экспериментальная работа в вузовских лабораториях) и к решению этой проблемы, включающих в себя применение инновационных моделей образования, вовлечение студентов в общественную жизнь вуза, работа кураторов академических групп, разработку системы организационного, научно-методического сопровождения воспитательной и внеучебной работы со студентами младших курсов.

Для определения особенностей адаптации студентов-первокурсников необходимо было выяснить, что несет в себе термин «адаптация».

Гришанов А.К., Цуркан В.Д. [1] заключают, что под адаптацией студента следует понимать процесс приведения основных параметров его социальных и личностных ха-

рактических характеристик в соответствии, в состоянии динамического равновесия с новыми условиями вузовской среды как внешнего фактора по отношению к студенту.

Ронгинская Т.И. выдвигает гипотезу о том, что адаптация студентов - это сложный процесс перестройки психической деятельности, и он должен проявляться в изменениях уровневых значений отдельных характеристик личности, и в изменении взаимосвязей между ними, а также в различных соотношениях изменений в различные периоды адаптационного процесса. [2]

Сиомичев А.В. полагает, что адаптация студентов-первокурсников связана с преодолением трудностей вхождения в новую социальную среду, установлением внутригрупповых отношений, приспособлением к новым формам обучения. Вторая «критическая» точка соответствует третьему курсу обучения и характеризуется как процесс профессионального самоопределения личности, начало профессиональной адаптации личности к своей будущей специальности. Но оба эти процесса рассматриваются как составные компоненты процесса адаптации, находящиеся в логической последовательности. [4]

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что адаптация - динамический процесс, включающий активность со стороны личности, сопровождаемый также определенными сдвигами в ее структуре. Процесс адаптации должен включать в себя совместную деятельность как студентов, так и преподавательского коллектива и коллектива университета.

В связи со значительным расширением форм обучения необходимо выявление общих и специальных, связанных с особенностями конкретной вузовской системы, механизмов формирования и проявления адаптивного поведения студентов в наиболее сложные и критические периоды обучения. И главное, на что направлено изучение процесса адаптации студентов, это разработка мер, способствующих максимально возможному сокращению адаптационных периодов. Изучение адаптации студентов важно и для ранней диагностики дезадаптированных студентов с выходом на коррекцию их способов адаптации к вузу. [5]

Различают три формы адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза:

- адаптация формальная, касающаяся познавательно-информационного приспособления студентов к новому окружению, к структуре высшей школы, к содержанию обучения в ней, ее требованиям к своим обязанностям;

- адаптация общественная, то есть процесс внутренней интеграции (объединения) групп студентов-первокурсников и интеграция этих же групп со студенческим окружением в целом;

- адаптация дидактическая, касающаяся подготовки студентов к новым формам и методам учебной работы в высшей школе. [2]

Колызаева Н.Г. в общем процессе адаптации выделяет две стадии:

- адаптивная реакция, которая характеризуется напряжением личностной системы, выражающимся в резком увеличении количества межфункциональных связей и наиболее интенсивном периоде личностных преобразований;

• адаптивная стабилизация, которая характеризуется уменьшением напряжения личностной системы, выражающемся в уменьшении количества межфункциональных связей и наименее интенсивном периоде формирования адаптивных характеристик.

Профессиональной ориентации в школе уделяется мало внимания, и она не является достаточной основой для адаптации в вузе, поэтому целесообразно, по нашему мнению, осуществить меры по организации профессионального отбора в вузе. Имеется в виду выявление профессиональной предрасположенности и пригодности личности к данной профессии в момент поступления на учебу, определение соответствия этой личности избираемой профессии. На важное место этого момента в адаптации студентов младших курсов указывает, например, Д.И. Зюзин: «Известно много случаев отсева студентов уже на первых двух курсах именно в связи с перенапряжением, неподготовленностью к интенсивному умственному труду... Отсутствие в правилах приема в вузы требований диагностики, на наш взгляд, связано в известной мере с распространенным представлением об умственном труде как «легком», доступном буквально каждому».

Переход от одной стадии к другой совершается через пик адаптивной нагрузки, при котором напряжение личностной системы достигает максимума.

Можно предположить, что эти же стадии выделяются и в процессе адаптации к вузу. Адаптивная ситуация в этом случае – это процесс взаимодействия личности студента с конкретными условиями данного вуза.

Именно на первом курсе формируется отношение молодого человека к учебе, к будущей профессиональной деятельности, продолжается «активный поиск себя». Даже отлично окончившие среднюю школу, на первом курсе не сразу обретают уверенность в своих силах. Первая неудача порой приводит к разочарованию, утрате перспективы, отчуждению, пассивности.

Замечено, что чем лучше студент понимает, зачем и для чего ему могут понадобиться знания для будущей работы, тем лучше он учится. [5]

Библиографический список

1. Гришанов Л.К., Цуркан В.Д. Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе. Кишинев, 1990. С. 29-41.
2. Особенности адаптации студентов первого курса к обучению в вузе [Электронный ресурс] Управление организационно-воспитательной работы со студентами ИжГТУ. URL: <http://uovr.istu.ru/curator/p-adaptation.html> (Дата обращения: 23.05.2012)
3. Ронгинская Т.И. Изменение системы личностных характеристик в процессе адаптации студентов // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук. - Л., 1987. 16 с.
4. Сиомичев А.В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе. // Автореферат на соискание степени кандидата психологических наук. Л., 1985. 17 с.

5. *Чикина Т.Е.* Адаптивное обучение первокурсников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vovr.ru/upload/6-09.pdf.

Статья поступила в редакцию 07.06.2013.

НОСОВА Дина Львовна – магистрант института педагогики и психологии САФУ им. М.В. Ломоносова.

Информация для авторов

Журнал «Новый университет» выходит в форме ежемесячного альманаха в сериях:

- **Экономика и право.**
- **Актуальные проблемы гуманитарных наук и общественных наук.**
- **Вопросы естественных наук.**
- **Технические науки.**

К публикации принимаются статьи студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также всех исследователей, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997-2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов**.

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- возраст (если статья подается в рубрику для молодых ученых «Свежий взгляд»),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- ученая степень, ученое звание,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название серии альманаха, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: **ujourn@gmail.com**.

Мы ждем Ваших статей! Удачи!